

И. Солоневич

Народная
монархия

Иван Солоневич

Народная монархия

Издательство «РИМИС»

1951

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Солоневич И. Л.

Народная монархия / И. Л. Солоневич — Издательство
«РИМИС», 1951

ISBN 978-5-9650-0095-1

Кто в России плохой – власть или народ? Нация и национальность – не одно и то же, почему же Россия до сих пор ни то, ни другое? Почему иностранные слова нам нравятся больше, чем русские? Почему и с какого момента мы думаем, что мы глупее иностранцев? В чем подлинная причина Гражданской войны, а стало быть, и подлинная разгадка тайны победы Красной Армии над Белым Движением? Чем отличаются мотивации монарха и президента? Существует ли на самом деле загадка русской души – или только ее пропагандистский фантом? Перспективен ли русский народ с исторической точки зрения? – единая концепция, отвечающая на эти и другие вопросы, дана в предлагаемой книге с предельной убедительностью. При подготовке книги к публикации максимально сохранены авторские орфография и пунктуация.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9650-0095-1

© Солоневич И. Л., 1951

© Издательство «РИМИС», 1951

Содержание

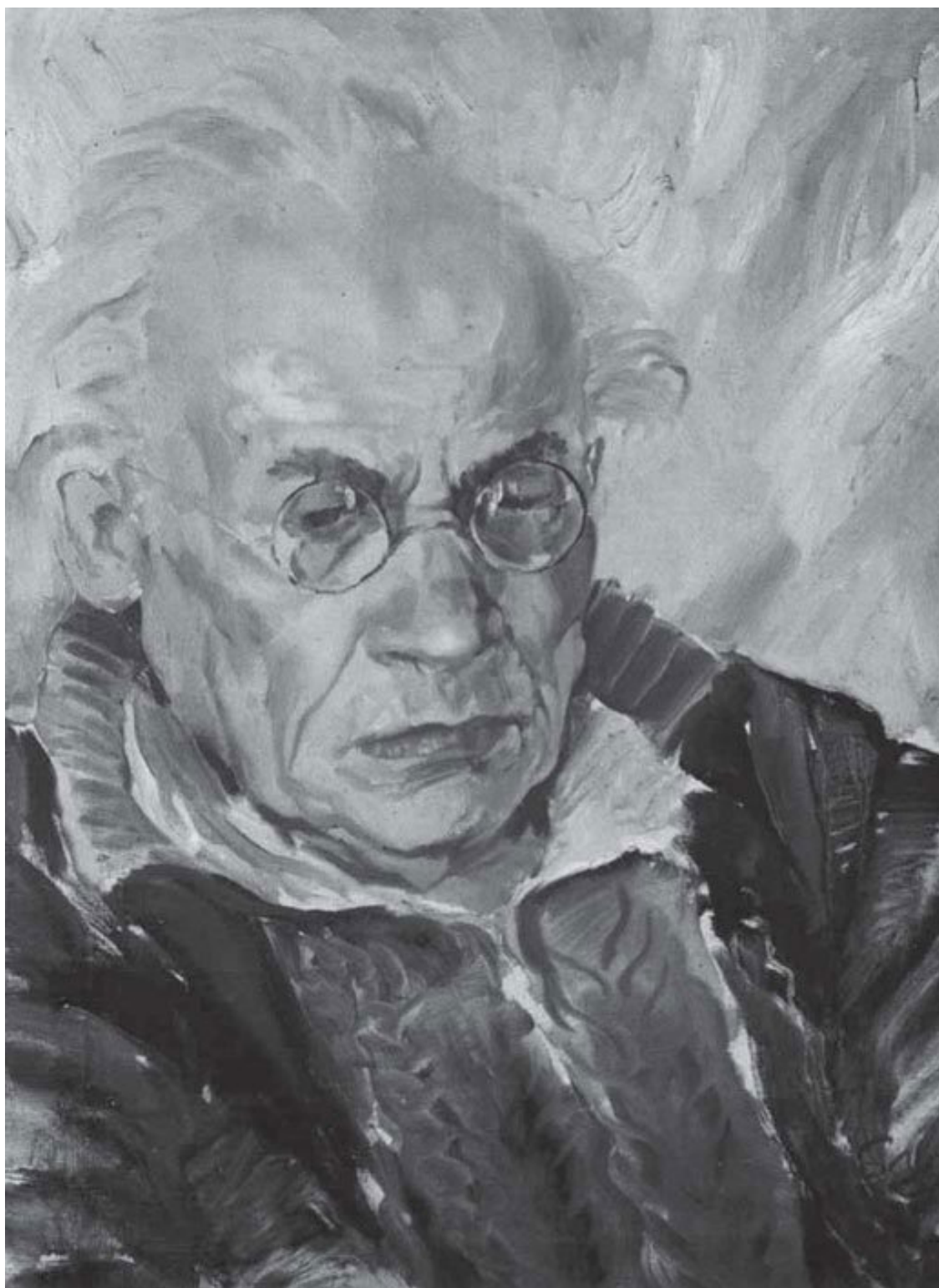
От автора	7
Часть первая. Основные положения	8
Только для России	8
Что есть Империя?	10
Что есть индивидуальность?	11
Россия в сравнении...	12
Что есть «Дух»?	14
Кривые зеркала	16
Политика подкинутого слоя	17
Оторванность от народа	19
Русская историография	20
Расплата	23
Политика и война	25
Что нам нужно	27
Гарантии от завоеваний	28
Гарантии от революции	30
Гарантии от бюрократии	33
Гарантии свободы	36
Самодержавие и самоуправление	41
Национальный вопрос	42
Устойчивость	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Иван Солоневич

Народная монархия

© ООО «РИМИС», 2016

* * *

От автора

Эта работа – под ее первоначальным названием «Белая Империя» – была написана во время войны. Ее объем – около полутора тысяч страниц. Выпуск всей этой работы оказался невозможным по чисто финансовым соображениям.

Сейчас она выпускается в сильно сокращенном виде и поэтому, в частности, большинство документальных доказательств в ней опущено. Первоначальный вариант названия изменен – во-первых, потому, что в 1941 году группа шанхайских штабс-капитанов выпустила под тем же названием сборник моих статей размером в 200 страниц, и, во-вторых, «Белая Империя» создает ассоциацию с Белым Движением, с которым народно-монархическое или народно-имперское движение связано только хронологически: Белое Движение монархическим движением не было.

Переработка первого варианта этого труда шла в исключительно трудных внешних условиях – отсюда некоторая неровность изложения. Однако мы стоим на пороге мировой войны против коммунизма, и нашей эмиграции – и старой, и новой, и будущей – необходимо дать хотя бы самые основные положения о русской монархии – не о том пугале, которое из этой монархии сделали ее враги, а о том, чем она была в действительности нашей исторической жизни.

*«История русского народа еще не написана.
Есть „богословская схоластика“,
есть „философская схоластика“.
Обе подогнаны под заранее данную цель,
и обе базируются на сознательном искажении
исторических фактов.
Схема русской истории, лишенная по крайней мере
сознательного искажения, будет в одинаковой степени
не приемлема ни для правых, ни для левых читателей.
Однако она может дать ответ на два вопроса.
Первый: как это все случилось, и второй:
как сделать так, чтобы всего этого
больше не случилось».*

И. Л. Солоневич

Часть первая. Основные положения

Только для России

Всякая разумная программа, предлагаемая *данному* народу, должна иметь в виду *данный* народ, а не абстрактного *homo sapiens*, наделяемого теми свойствами, которыми угодно будет наделить его авторам данной программы. Так, все социалистические программы наделяют всех людей теми свойствами, которые отсутствуют почти у всех людей, – может быть, и к сожалению. Чувства семьи, собственности, нации, по практической проверке историей, оказались реально существующими. Отсюда распад всех «интернационалов», начавшийся с Первой же мировой войны. Отсюда же террористический режим социализма – всякого социализма в действии, не встретившего предполагавшихся коллективистических инстинктов человечества.

Русская интеллигенция, традиционно «оторванная от народа», предлагает этому народу программы, совершенно оторванные от всякой русской действительности – и прошлой, и настоящей. Эта же интеллигенция дала нам картину и прошлого, и настоящего России, совершенно оторванную от всякой реальности русской жизни – и оптимистической, и пессимистической реальности. Именно поэтому русская общественная мысль шатается из стороны в сторону так, как не шатается никакая иная общественная мысль в мире: от утопических идей второго крепостного права до столь же утопических пережитков первого. Коммунистическая революция в России является логическим результатом оторванности интеллигенции от народа, неумения интеллигенции найти с ним общий язык и общие *интересы*, нежелание интеллигенции рассматривать самое себя как слой, подчиненный основным линиям развития русской истории, а не как кооператив изобретателей, наперебой предлагающих русскому народу украденные у нерусской философии патенты полного переустройства и перевоспитания тысячелетней государственности.

Народно-Монархическое Движение есть единственное в эмиграции политическое движение, которое базируется на исключительно русской почве, не имеет никаких мировых претензий и отрицает всякие мировые рецепты.

Оно неприемлемо и не может быть приемлемо для подавляющего большинства эмиграции, ибо эта эмиграция есть результат всех предшествующих деяний всех ее руководящих кругов – правых, может быть, еще в большей степени, чем левых. Народно-Монархическое Движение не есть движение «правое», как не есть и «левое», оно строится в ином измерении, не в двухмерном мире, где все поделено на «правое» и «левое», а в трехмерном – где есть и более высокое, и более глубокое. Народно-Монархическое Движение имеет общие точки с «правыми», ибо требует мощной царской власти, но смыкается и с «левыми», ибо имеет в виду свободу и интересы народа, массы, а не сословия или слоя. Но если «правые» видят в монархии интересы сословия и слоя, то «левые», по существу солидаризируясь с «правыми», видят в монархии «дворянско-помещичий строй», – следовательно, свободу и интересы народа, принесенные в жертву интересам сословия и слоя. Народно-Монархическое Движение видит в монархии – в полном соответствии с историческими фактами бытия России – единственную, исторически проверенную гарантию и свободы, и интересов народных масс страны.

Поэтому Народно-Монархическое Движение считает необходимым установить прежде всего *ФАКТЫ*. Установление *фактов* вызовет отвращение в одинаковой степени и «правых», отождествляющих интересы России с их собственными интересами, и «левых», видящих в тысячелетней истории сплошное заблуждение, исправить которое призваны немецкая, французская или английская философия.

Никакое здание не может быть построено без учета «сопротивляемости материалов». Из дерева нельзя выстроить десятиэтажный дом, и из кирпича – сорокаэтажный. Русская история имеет дело с совершенно определенным материалом и с совершенно определенным планом стройки. Всякая переоценка или недооценка материала, всякий извне взятый план приводят к логически неизбежной катастрофе. Коммунистическая революция есть исторически обоснованная катастрофа, и Народно-Монархическое Движение, отдавая должное героизму борцов с коммунизмом, обязано: а) констатировать тот факт, что эти бойцы потерпели неудачу и б) объяснить эту неудачу логически, совершенно независимо от того, как будет воспринято это объяснение. Нам нужны не льстивые слова, а суровый диагноз. Прежде чем будет поставлен диагноз, нельзя предлагать никаких методов лечения. Народная Монархия и является в первую очередь попыткой *диагноза*.

Что есть Империя?

Каждый народ мира стремится создать свою культуру, свою государственность и, наконец, свою империю. Если он этого не делает, то не потому, что не хочет, а потому, что не может. Или потому, что понимает недостаточность своих сил. Оценивать это свойство с моральной стороны нет никакого смысла: оно проходит красной нитью через всю мировую историю. Но можно морально оценить и методы, и результаты имперской стройки. Можно также установить тот факт, что Империя оказывается тем крепче, чем удобнее чувствуют себя все населяющие ее народы и племена.

Империя Российская есть самое старое государственное образование Европы. Она, как единое национальное целое, практически возникла как «Империя Рюриковичей» и национально, как «русская земля», *единая* земля для всех авторов всех наших летописей.

Сегодняшний возраст Империи Российской приблизительно равен возрасту Римской Империи – около одиннадцати веков. С той только разницей, что Римская Империя – за исключением Карфагена – не имела никаких соперников и что в последние триста лет своего бытия она распадалась и экономически, и политически, и психологически. Современная Россия – даже при коммунизме – громит всех своих конкурентов и не показывает решительно никаких признаков внутреннего распада: коммунизм – это болезнь. Но коммунизм – это не дряхлость.

«Империя – это мир». Внутренний национальный мир. Территория Рима до империи была наполнена войной всех против всех. Территория Германии – до Бисмарка – была наполнена феодальными междунемецкими войнами. На территории Империи Российской были прекращены всякие межнациональные войны, и все народы страны могли жить и работать в любом ее конце. И если Империя Российская была беднее, чем другие, то не вследствие «политики», а вследствие географии: трудно разбогатеть на земле, половина которой находится в полосе вечной мерзлоты, а другая половина – в полосе вечных нашествий извне.

Что есть индивидуальность?

Каждый народ мира, в особенности каждый великий народ, имеет свои, неповторимые в истории мира пути. Не существует никаких исторических законов развития, которые были бы обязательны для всех народов истории и современности. Русская государственность, русская национальность и русская культура идут своим собственным путем, впитывая в себя ряд чужеродных влияний, но не повторяя путей никакой иной государственности, нации и культуры истории и современности. Империя Рюриковичей в начале нашей истории так же своеобразна и так же неповторима, как самодержавие московских царей, как Империя Петербургского периода или даже как сегодняшняя советская власть.

Поэтому никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, неприменимы для путей русской государственности, русской национальности и русской культуры. Тем более что русская национальность, государственность и культура с чрезвычайной степенью резкости отражают индивидуальные особенности русского народа, принципиально отличные от индивидуальных особенностей и Европы, и Азии. Россия – не Европа, но и не Азия и даже не Евразия. Это – просто Россия. Совершенно своеобразный национальный государственный и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы, и от Азии. Основные черты этого комплекса достаточно отчетливо определились раньше, чем европейское влияние или азиатские нашествия могли наложить на Россию свой отпечаток. На эти черты никакого влияния не оказала и Византия. Византийская Империя была Империей без нации. Русская Империя со времен «начальной летописи» строилась по национальному признаку. Однако, в отличие от национальных государств остального мира, русская национальная идея всегда перерастала племенные рамки и становилась сверхнациональной идеей, как русская государственность всегда была сверхнациональной государственностью, – однако при том условии, что именно *русская* идея государственности, нации и культуры являлась, является и сейчас определяющей идеей всего национального государственного строительства России. И хотя уже не в первый раз в истории России эта идея искалечена иностранной интервенцией, она все-таки остается определяющей идеей.

Ни одна нация в истории человечества не строила и не достигла такой государственности, при которой все втянутые в орбиту этого строительства нации, народы и племена чувствовали себя одинаково удобно или неудобно, – но так же удобно или неудобно, как и русский народ. Если было удобно – было удобно всем, если было неудобно – то тоже всем. Это есть основная черта русского государственного строительства. Она может называться интернационализмом, космополитизмом, универсализмом или «вселенскостью», но она проходит определяющей чертой через всю русскую историю.

Россия в сравнении...

Нашего национального *Я* мы не можем понять без сравнения его с иными национальными индивидуальностями. Поэтому, прежде чем оценивать и определять стройку русской государственности, мы обязаны сравнить ее с остальными мировыми стройками.

Если мы припомним все великие исторические явления, то мы установим следующее.

Великая культура Эллады выросла на крохотном привеске к Балканскому полуострову, поделенному на десяток микроскопических государств. Этой культурой – философией, поэзией, наукой, скульптурой – до сих пор вдохновляется весь современный культурный мир. Но в области права и государственности Эллада не дала ничего.

Великая культура Рима дала только право и государственность, все остальное – религия и философия, наука и даже поэзия – было рабски скопировано с Эллады. Рим строил свою Империю на недостаточной количественно, но необычайно высокой качественно человеческой базе; эта база была исчерпана войнами и разжижена иммиграцией. Рим пал.

На обломках великой Римской Империи разместились в качестве победителей германские племена, внесшие совершенно неизвестный древнему европейскому миру принцип – принцип феодализма: суверенных прав всякого крупного землевладельца. Этот принцип раздробил Европу – дробит ее и до сих пор. Все усилия «великих европейцев», начиная с Карла Великого – через Габсбургов, Ришелье, Наполеона, Гитлера – и кончая Уинстоном Черчиллем, не смогли и не смогут преодолеть этого раздробления.

Феодальный принцип во время так называемых Крестовых походов раздробил также Византийскую Империю. Он же привел к монгольскому игу в России: Ярослав Мудрый раздробил страну на феодальные «уделы», и удельные князья были разбиты поодиночке.

Феодальный принцип есть по существу принцип мещанства, и он дольше всего удержался в стране, в которой мещанство является определяющей характеристикой, – в Германии (О. Шпенглер, Г. Кайзерлинг и др.).

Ввиду этого империи мирового масштаба могли вырасти только вне Европы: в Англии, где островное положение страны позволило ей раньше континентальной Европы преодолеть свой феодальный провинциализм, но все-таки не до конца; в России, где не было психологических предпосылок для феодализма и – в самое последнее время – в САСШ {САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты. (*Прим. изд.*)}, где как-то выплавляется еще не законченный, но новый тип государственности, нации и культуры.

Европейские попытки стройки мировой империи – в Европе и вне Европы – окончились полным провалом: заокеанские владения Испании и Португалии, Франции и теперь даже Англии ушли от своих метрополий и в свою очередь раздробились на ряд мелких государственных образований.

Мы сейчас присутствуем при конце мировой Великобританской Империи, но мы также присутствуем при конце Европы, как культурного и политического гегемона мира. А наши «идеологи» все еще пытаются заимствовать из Европы все те идеи, которые Европу уже привели к концу.

Отношения наций-строительниц к нациям, народам и племенам, втянутым в орбиту данного государственного строительства, определяются следующими историческими фактами.

Эллада. Иноплеменники – это варвары, метеки, периеки и илоты – неравноправные гости или побежденные туземцы.

Рим. Граждане Рима, разделенные на две категории – патриции и плебс, «союзники» – самых различных категорий, и побежденное население колоний.

Германцы. Завоеванные нации превращались в рабов, их земля передавалась завоевателям – более или менее одинаково – при завоевании Рима, Византии, Прибалтики или, правда,

только в проекте, – Юга России (проект организации Wehrbauer'ов). Даже и немцы – при Гитлере – делились на ряд неравноправных групп: Reichsdeutsche, Auslandsdeutsche, Volksdeutsche.

Великобритания. Вооруженное или невооруженное ограбление всего, что плохо лежит: и Ирландии, и Индии. Обогащение нации-победительницы всякими путями – и торговлей рабами, и торговлей опиумом – с поддержкой этой коммерции также и вооруженной силой.

Франция. Полная неспособность к какой бы то ни было колонизационной деятельности, потеря почти всех колоний, предельно выраженный национальный шовинизм («а bas les metecs!») и все растущая национальная слабость.

Испания. Почти полное истребление побежденных народов и полный распад империи.

Россия. Никаких следов эксплуатации национальных меньшинств в пользу русского народа. Никаких следов порабощения финских племен времен освоения волжско-окского междуречья. «Беспощадная эксплуатация Кавказа», при которой проливалась *русская* кровь, а миллионерами и министрами становились Лианозовы, Манташевы, Гукасовы, Лорис-Меликовы – и даже Сталины, Орджоникидзе и Берии. Один из результатов: Рим и Лондон богатели за счет ограбления своих империй, центр русской государственности оказался беднее всех своих «колоний». Но – оказался и *крепче*.

Что есть «Дух»?

Каждая государственность мира, и в особенности каждая великая государственность мира, отражает в себе основные психологические черты нации-строительницы. Ни климат, ни география здесь не играют никакой роли. Греки Перикла жили в тех же географических и климатических условиях, как и греки Венизелоса, легионеры Рима – в тех же условиях, как и лаццарони времен так называемой итальянской монархии.

Итальянское Возрождение повторило основные черты Древней Греции, но не повторило никаких черт Древнего Рима. «Приморское положение» и торговые пути Древней Греции не создали никакой империи, – приморское положение и торговые пути Англии создали Великобританскую Империю. При полном отсутствии и приморского положения, и торговых путей была создана Российская Империя.

Ни реки, ни горы, ни моря не играют никакой роли. На Дунае и его притоках существуют: Германия, Чехия, Венгрия, Сербия, Болгария и Румыния. На Ла Плате существуют: Уругвай, Аргентина, Парагвай и Боливия – четыре отдельных государства, имеющих один и тот же язык, одну и ту же религию и почти одно и то же население. Швейцария, перегороженная десятками горных хребтов, составляет одну государственность. Французская нация без всяких хребтов включена в состав Франции, Бельгии и Швейцарии.

В формировании нации религия играет второстепенную роль: Азия остается верна буддизму во всех его оттенках, тюркско-арабские народы – мусульманству и Европа – христианству; мировые религии очень точно отграничены расовыми границами, а в среде европейской и христианской культуры – национальными: романские народы остались – безо всякого исключения – верны католицизму, германские – с некоторыми исключениями – перешли в протестантизм, славяне, с двумя исключениями, остались православными. Однако одно и то же православие исповедуют психологически совершенно различные народы: и русские, и румыны, и греки, и армяне, и даже абиссинцы. Таким образом, *одна и та же* религия, приложенная к *различному* психологическому материалу, оставила этот материал таким, каким он был и раньше. Языческая Русь была Русью и до Владимира, и после него. Языческая Русь была такой же терпимой, «космополитической», «имперской», как и Русь Московских Царей или Всероссийских Императоров. Можно установить культурное, колониционное и государственное влияние православия на Россию, но это влияние было только результатом национальных особенностей страны. *Та же* религия в иных национальных условиях не дала никаких – ни культурных, ни колониционных, ни государственных – достижений.

Факторы, образующие нацию и ее особый национальный склад характера, нам совершенно неизвестны. Но факт существования национальных особенностей не может подлежать никакому добросовестному сомнению. В рядах родственных наций, связанных родством исторических судеб и прочего, мы можем найти совпадающие черты, – как можем найти совпадающие черты в каждом человеке, в каждом млекопитающем, в каждом позвоночнике и так далее. Но в данном случае ни методы питания новорожденных, ни число позвонков нас не интересуют. Что же касается национальных особенностей, то среди нас уже веками живут две нации совершенно своеобразного склада: цыгане и евреи.

Цыгане не интересуются вовсе ни республикой, ни монархией, ни социализмом, ни капитализмом. Они кочуют. На телегах – в России, в лодках – в Норвегии, или «Фордах» – в Америке. Наши идеалы – не для них. Мы для них

В неволе душных городов
Главы перед идолами клоним
И просим денег и цепей.

Сквозь нашу культуру они проходят, как привидение сквозь стену.

Еврейский народ за все время своего рассеяния не сделал ни одной попытки заселить, «освоить», колонизовать тогда в изобилии пустовавшие земли. При «еврее королей» Ротшильде, как и при короле евреев Соломоне, он остается все тем же народом-посредником. И сегодняшний Израиль – это не государство, это только один из видов эвакуации Ди-Пи{Ди-Пи – перемещенные лица (от *англ.* Displaced Persons). (*Прим. изд.*)}. Если мир придет в порядок, статус Ди-Пи будет сдан в архив истории, и нынешнее население Израиля вернется на старые места и к старым профессиям.

Было бы откровенно глупо убеждать цыган в преимуществах «функциональной собственности» и евреев в желательности стройки Еврейской Империи. Однако почему-то не считаются откровенной глупостью попытки навязать России политические порядки, выросшие из западноевропейского, феодализма. Почему, в самом деле, мы должны копировать французов, а не цыган? Или немцев, а не Израиль? Или Великобританию, а не Бечуанленд?

Народно-Монархическое Движение исходит из той аксиомы, что Россия имеет свои пути, выработала свои методы, идет к своим целям и что поэтому никакие политические заимствования извне ни к чему, кроме катастрофы, привести не могут.

Так, для Менделеева было бы катастрофой, если бы его заставили переменить лабораторию на сцену, или для Шаляпина, если бы его заставили переменить сцену на лабораторию.

* * *

Народно-Монархическое Движение исходит также из той аксиомы, что решающим фактором всякого государственного строительства является психология, «дух» народа-строителя, втягивающего в свою орбиту или торговым путем, как это делали англичане, или путем насилия, как это пытались делать испанцы, или путем *общности интересов*, как это делали мы. Географические и климатические условия могут помогать строительству, как они помогали Риму, и могут мешать строительству, как они мешают нам. Но эти условия не могут *ничего создать* и не могут *ничему помешать*. Из всех культурных стран мира Россия находится в наихудших географических и климатических условиях – и это не помешало стройке Империи. Из европейских стран Франция находится в самых лучших условиях, и у нее не вышло ничего.

Кривые зеркала

Психология народа не может быть понята по его литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта – и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и с другой – отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский – быт деклассированного и озлобленного разночинца, окрашенный в тона писательской эпилепсии. А. Чехов – быт мелкой интеллигенции туберкулезного происхождения. М. Горький – социал-демократического босняка. Л. Андреев – просто свои алкогольные кошмары. Алкогольные кошмары Эдгара По никто не принимает за выражение североамериканского духа, как никто не принимает байроновский пессимизм за выражение великобританской идеи. Безуховы и Болконские могли быть. Каратаевых и Свидригайловых быть не могло. Плюшкины могли быть, как могли быть и Обломовы, но ни один из этих героев никак не характеризует национальной психологии русского народа.

Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни.

Не Обломовы, а Дежневы, не Плюшкины, а Минины, не Колупаевы, а Строгановы, не «непротивление злу», а Суворовы, не «анархические наклонности русского народа», а его глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт.

Всякая литература живет противоречиями жизни, а не ее нормальными явлениями. Всякая настоящая литература есть литература критическая. В тоталитарных режимах нет критики, но нет и литературы. Литература всегда является кривым зеркалом народной души. Наша литература в особенности, ибо она родилась в эпоху крепостничества, достигла необычайной технической высоты и окрасила все наши представления о России в заведомо неверный цвет. Но в такой же цвет окрасила их и русская историография.

Фактическую сторону русской истории мы знаем очень плохо – в особенности плохо знают ее профессора русской истории. Это происходит по той довольно ясной причине, что именно профессора русской истории рассматривали эту историю с точки зрения западноевропейских шаблонов. Оценка же русской истории с точки зрения этих шаблонов правильна в такой же степени, как если бы мы стали оценивать деятельность Менделеева с точки зрения его голосовых связок. Или культуру Эллады с точки зрения Империи. Или Империю Рима с точки зрения Праксителя. Или промышленность САСШ с точки зрения цыганского табора. Русские историки пытались измерить версты килограммами и пуды – метрами. Запутались сами, запутали и нас. В результате всего этого мы в эмиграции не имеем ни одного политического течения, которое было бы русским – не по названию, а по смыслу.

Политика подкинутого слоя

Русская политическая мысль может быть русской политической мыслью тогда и только тогда, когда она исходит из русских предпосылок – исторических и прочих. Универсальной политической мысли не может быть, как не может быть политической мысли, в равной степени применимой для Готтентотии и для Великобритании. Можно говорить об общности политической судьбы и политической психологии Швеции и Норвегии, но нельзя говорить об общности такого гигантского явления, каким является Россия, с каким бы то ни было иным историческим явлением мира. Между тем вся русская политическая мысль является результатом заимствованных извне шаблонов мышления, фразеологии, терминологии и политики.

Всю сумму оттенков русской политической мысли можно разделить на три основные группы, в которые будут укладываться все имеющиеся в наличии политические партии России.

А. Утопическая группа

Основное положение: обобществление средств производства, то есть отрицание частной собственности и частной инициативы. Исходные теоретические пункты: у марксистов – Карл Маркс со всеми его предшественниками. У «умеренных социалистов», типа эсеров, – Фурье, Сен-Симон и прочие. У солидаристов – Шпан, Сартр и прочих «персонализм».

У марксистов «орудия производства» подвергаются социализации, у умеренных социалистов – огосударствлению, у солидаристов они становятся «функциональной собственностью». Во всех трех случаях это означает диктатуру бюрократии – социалистической или функциональной, это, конечно, совершенно безразлично. Практически безразлично и то, из какого именно гнилого яйца в инкубаторе умирающей Европы высижена та или иная разновидность обобществления.

Это – самая сильная группа среди русской интеллигенции и группа в наибольшей степени «оторванная от народа». Группа, наиболее «убежденная» в своей правоте и наиболее способная к проявлению крайнего насилия над любой волей и над любыми интересами народа. Психологически это тип людей, которые шли на собственную смерть, чтобы во имя «освобождения народа» убить его Царя-Освободителя.

Ее социальный состав – от князей и миллионеров (Кропоткин, Гоц, Бухарин) до профессиональных уголовников (Котовский и пр.). По самому своему существу эта группа должна была бы быть объектом психиатрии.

Б. Республиканско-буржуазная группа

Основное положение – перенесение в Россию парламентарного образа правления, как уже «проверенного опытом передовых государств». Социальный состав: профессора, прошедшие всю свою жизнь над зубрежкой этого опыта и страдающие клинической степенью близорукости. Только клинической степенью близорукости можно объяснить тот факт, что полный провал «проверенного опытом» парламентарного управления в России, Венгрии, Германии, Италии, Испании, Польше, Португалии, Франции (деголизм) называется «опытом передовых государств». Этот опыт находится, можно сказать, под самым носом или даже еще ближе. Парламентарные методы управления привели к полному политическому, экономическому и моральному маразму почти все страны Европы, и мир стремится к авторитарному правительству. Если исключить мелкие страны, находящиеся вне больших исторических путей, и англо-саксонские государственные образования, отделенные от этих путей проливами или океанами,

то почти весь остальной мир стремится к авторитарному правительству. Диктатура – военная, как в Испании, партийная, как в СССР, Германии и пр., профессорская, как в Португалии, – это есть только изнанка естественного стремления всякого человека к какой-то определенности. Отринув определенность монархии, три четверти человечества пошли искать определенности в диктатуре – и вместо хлеба получили камень. Но профессорская группа этого, конечно, не видит.

Философские корни группы – позитивисты Огюста Конта. Идеал – буржуазная республика неизвестного типа. Во Франции их было три, сейчас доживает свой век четвертая и вырисовывается военная диктатура генерала де Голля. «Опыт передовых стран Европы» пока поддерживается миллиардами и оружием САСШ.

Это самая слабая группа эмиграции. Кроме эрудиции, она не имеет ничего. Ее эрудиция ничего не стоит. Группа будет бесследно смята между утопизмом и консерватизмом, как ее предшественники были бесследно смяты в 1917 году.

В. Правая, консервативная, условно монархическая группа

Та, которая больше всего оперирует термином «русскости» и которая представляет собой слой наиболее удаленный от интересов русского народа. Ее социальный состав – дворянство и служилый слой. Ее философские корни: никаких. Ее историческое происхождение: заимствованное непосредственно из Польши крепостное право, период которого группа считает периодом величайшего «расцвета России». Отсюда – Петр Первый, символизирующий начало шляхетства и рабства, и Екатерина Вторая, тоже только символизирующая апогей и того и другого, названы «Великими». Александр Второй такого отличия не получил.

Это – наибольшая количественно группа и самая слабая культурно. Она «признает» монархию и выполняет монархические обряды. Но если можно будет обойтись без монархии – например, на путях военной диктатуры, – она постарается обойтись.

Однако именно из служилого элемента этой группы откололся «штабс-капитанский элемент», который и является реальным автором этой работы. Ибо определяет не личность, а среда и не автор, а история. Если для данных положений не найдется «среды» или если они не будут соответствовать истории – они останутся плодом литературных ухищрений отдельного графомана. Если найдется среда, то эти же положения могут стать исходным пунктом к нашему возвращению к себе, домой, на родину – после двухсот-пятидесяти лет и философских, и физических скитаний по философическим и физическим задворкам Европы. Все зависит от того, найдется ли у нас – и в эмиграции, и в России – слой, который смог бы покончить с вековой «оторванностью интеллигенции от народа» и стать правящей и культурной элитой, выражающей национальную индивидуальность России, а не случайные находки в подстрочных примечаниях к европейской философии и не собственные сословные или классовые вождедения.

Оторванность от народа

Эту фразу, в том или ином ее варианте, повторяет весь русский образованный слой, начиная с Карамзина: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть гражданами России». Эта «оторванность от народа» или «потеря русского гражданства» оценивается нами как некая абстракция, очень далекая от нужд и забот сегодняшнего дня. Нечто вроде четвертого измерения геометрии Лобачевского или квадратного корня из минус единицы. Однако факт русской революции вызвал такую сумму нужды и забот, горя и крови, что об этой «абстракции» стоило бы подумать совершенно всерьез.

«Оторванность от народа», «пропасть между народом и интеллигенцией», «потеря русского гражданства» и прочее заключается вот в чем: *интересы русского народа – такие, какими он сам их понимает, заменены, с одной стороны, интересами народа – такими, какими их понимают творцы и последователи утопических учений, и, с другой стороны, интересами «России», понимаемыми преимущественно как интересы правившего сословия.*

Одна сторона предполагает, что Карл Маркс лучше знает, в чем заключаются интересы русского народа, чем сам этот народ, и, с другой стороны, интересы поместного слоя кое-как прикрываются интересами «России», «славой русского оружия», блеском Двора, экзотичностью «потешных марсовых полей» и прочим в этом роде. Срединную позицию занимают люди, которые полагают, что Бенжемен Констан, или Леон Буржуа, или кто-нибудь в этом роде – они то и знают, чего именно хочет русский народ, или, точнее, что именно ему нужно и какими путями достичь реализации желаний или нужд русского народа. Один из частных, но химически наиболее чистых примеров такой рецептуры представляет собою поездка немца Гастхаузена, «открывшего» русскую общину и лет на восемьдесят затормозившего ее ликвидацию.

Все эти течения не отдают себе отчета в том, что русский народ – помимо чисто физиологических потребностей, свойственных всем людям, всем млекопитающим, всем позвоночным, и так далее, – имеет совершенно определенные, ему одному свойственные идеалы, цели и методы. Но так как этот народ не имеет интеллигенции, образованного класса, правящего класса, ведущего класса, который отражал бы не воздушные замки марксизма и не растреллиевские дворцы дворянства, а реальные устремления русских изб, то русский народ не имеет адекватного ему национального, культурного и политического оформления, потерянного в XVIII веке.

Русская интеллигенция должна быть перевоспитана в русском духе. И так как это перевоспитание почти невозможно, то дело идет о создании новой русской интеллигенции, которая, конечно, не может родиться по заказу. Если перевоспитание одного человека, по крайней мере взрослого человека, есть вещь практически невозможная – «перевоспитание» тысячелетней нации есть совершеннейший абсурд.

Русская историография

Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения. Кроме того, эта историография возникла в век «диктатуры дворянства» и отражает на себе его социальный заказ – и сознательно, и также бессознательно.

Таким образом, в русское понимание русской истории был искусственно, иногда насильственно, введен целый ряд понятий, которые, по формулировке В. О. Ключевского, «не соответствовали ни русской, ни иностранной действительности», то есть не соответствовали никакой действительности в мире: пустой набор праздных слов, заслоняющий собою русскую реальность. С одной стороны, питомцы западноевропейских кафедр, кое-как переводившие «иностранные речения» на кое-какую французско-нижегородскую мову, с другой стороны – питомцы дворянских усадеб, почти начисто забывшие русский язык. Пушкинская Татьяна «изъяснялася с трудом на языке своем родном».

Социальный заказ победившего социального слоя, понятия, не соответствовавшие никакой действительности в мире, язык, в котором не было места для обозначения чисто русских явлений, – все это привело к тому, что любой труд по истории России переполнен сплошными внутренними противоречиями, не говоря уже о полном несоответствии этих трудов с элементарнейшими фактическими данными русской истории.

Левые историки предпочитают сообщить своим читателям заведомую неправду. Правые вынуждены вилить. В качестве истинно классического примера последнего метода научно-исторической оценки я приведу мнение о Петре Первом Льва Тихомирова – теоретика и историка русского монархизма.

На стр. 161 второго тома своей «Монархической Государственности» {Издание Технического Центра Зарубежных Организаций Русской Национально-Мыслящей Молодежи. Мюнхен, 1923. (Прим. авт.)} Л. Тихомиров пишет: «Я глубоко почитаю его гений и нахожу, что он не в частности, а по существу делал именно то, что было нужно».

Итак – «гений». И кроме того, «гений», связь которого с нацией была «исключительно тесной». Так отдает Лев Тихомиров дань официальной фразеологии. И, отдав дань, делает некоторые выводы. «Учреждения Петра были фатальны для России и были бы еще вреднее, если бы оказались технически хороши. К счастью, в том виде, в каком их создал Петр, они были еще неспособны к сильному действию».

И еще дальше: «Исключительный бюрократизм разных видов и полное отстранение нации (а где же «исключительная связь с нацией»? – И. С.) от всякого присутствия в государственных делах делают из якобы «совершенных» учреждений Петра нечто в высокой степени регрессивное, стоящее и по идее и по вредным последствиям бесконечно ниже московских управительных учреждений» (т. 2, стр. 163).

Итак, «реформатор», создавший учреждения бесконечно худшие, чем прежние. «Гений», задумавший «фатальные учреждения», «гений», у которого, слава богу, не хватило гениальности сделать эти «учреждения» «технически хорошими». В. Ключевский горестно повествует о том, как все послепетровские правительства пытались как-то выпутаться из «петровской традиции» и противоречит себе так же, как и Л. Тихомиров. С одной стороны – «гений», с другой – «хороший плотник, но плохой государь». О стратегическом «гении» и говорить нечего.

Умели ли Л. Тихомиров и В. Ключевский логически мыслить? Надо полагать – умели. Могли ли они не заметить их общей оценки «гения» и тех примеров и выводов, которые сами же они делают? Вероятно, замечали. Но с одной стороны был «социальный заказ» и с другой –

какая-то тяга и к правде, и к логике. Вот откуда и идут логические несообразности наших историков.

Для Народно-Монархического Движения эпоха Петра и его «реформ» является исходной идейной точкой, точкой отталкивания: именно в эту эпоху было начерно оформлено идейное завоевание России Западом и физическое – шляхетством. Оно было начато до Петра и закончено после него, обнимая собою промежуток почти в 200 лет. По общечеловеческому тяготению ко всякой символизации в центре этого завоевания поставлена совершенно вымышленная фигура «гиганта на бронзовом коне», по А. С. Пушкину, по Л. Толстому – «зверя» и проч. – толстовская характеристика имеет совершенно непечатный характер. Самое поверхностное сопоставление самых общеизвестных данных, связанных самой элементарной логикой, показывает, что если сам Петр Первый и играл в этом какую бы то ни было роль, то чисто пассивную роль прикрытия над теми социальными силами, которые после разгрома патриархата – при патриархе Никоне – занялись разгромом монархии при Петре и в XVIII веке достигли почти полного успеха. Л. Тихомиров так и пишет: «Монархия уцелела только благодаря народу, продолжавшему считать законом не то, что приказал Петр, а то, что было в умах и совести монархического сознания народа» (стр. 112).

Таким образом, получается несколько необычная ситуация: «ум и совесть монархического сознания народа» «не признавали законом» то, что приказывал монарх. Это еще одна иллюстрация к тезису о том, что неограниченной власти не бывает вообще: *никогда и нигде*.

Тот же Л. Тихомиров на основании данных, проверенных его *собственными* исследованиями, утверждает, что даже турки, завоевав Византию, не обращались с православной церковью так, как обращались с нею при Петре.

Это было попыткой завершения разгрома русской Церкви, начатого при Никоне, как весь XVIII век с его царевубийствами был попыткой окончательного разгрома русской монархии, начатого при Петре. И если обе попытки удались не совсем, то только благодаря «уму и совести монархического сознания народа». Именно на это, «на ум и совесть народа», и возлагает все свои надежды Народно-Монархическое Движение – никаких иных надежд у него нет. И нет никаких расчетов на какую бы то ни было традицию последних двухсот лет – ни на правую, ни на левую. Именно эта традиция первого же «Царя-Освободителя» – Павла Петровича – сделала сумасшедшим, Екатерину Вторую произвела в «Великие», пугачевское восстание объявила «бессмысленным», Николая Павловича обозвала Палкиным, а предшественников Ленина и Дзержинского – Муравьева и Пестеля – почти святыми. Социальный слой «с душою прямо геттингенской» и с телом рязанско-крепостническим определил собою полную оторванность русского кое-как мыслившего слоя от каких бы то ни было русских корней. И кое-как мыслившие люди занялись поисками чего попало и где попало.

Поэтому всякая попытка определить «пути России» исходя из путей русской интеллигенции есть попытка совершенно безнадежная по ее явной *внутренней порочности*. На складе русских интеллигентских мыслей можно найти решительно все, что угодно – от монархизма до анархизма и от аскетизма до скотоложества. И из этого чего угодно можно сконструировать какую угодно комбинацию, даже и персоналистическую: бумага терпит все. Бумага претерпела даже и А. Розенберга, опиравшегося на толстовское непротивление злу насилием и на Достоевскую любовь к страданиям. Такие жертвы непротивления и любви, какими оказались монголы, поляки, турки, шведы, французы и прочие, как-то исчезли из бумажного поля зрения. Как ни странно это звучит, А. Розенберг по своему образованию был типичным русским интеллигентом, по-русски говорил не хуже нас с вами и русскую историческую литературу знал лучше, чем знаем мы с вами. Он сделал из нее те логически правильные выводы, которые и привели его на виселицу.

Теоретикам непротивления злу не следует заниматься медвежьей охотой. Потом как-то оказывается, что Льва Толстого медведь и вовсе не читал...

Мы, в эмиграции, переживаем «снижение сюжета»: вчерашние трагедии становятся сегодняшним фарсом. Философия Маркса была трагедией, философия Левицкого – это только фарс. Карл Маркс имел за собою традицию почти трех тысяч лет. Сейчас эмиграция строит кумиры и подобию их на основаниях трехдневной традиции – на абсолютно пустом месте, лишенном мыслей и людей, – на чем попало. Берут бревно и делают из него кумира. Берут палец и высасывают из него «идеологию», достают ротатор и становятся вождями.

Отсебятины может быть сколько угодно. Между двумя точками можно провести сколько угодно линий. Однако кратчайшая может быть только одна. Оторванных от жизни и от почвы теорий может быть *сколько угодно*, фабрикацией именно таких теорий и занималась русская интеллигенция. Однако жизненная и почвенная теория может быть только одна. Вне самого тщательного и самого беспристрастного учета особенностей русской почвы, русской жизни и русской психологии не может быть построено никакое разумное предложение, которое мы могли бы дать России. Русская литература *НЕ* отражает ни русской почвы, ни русской жизни. Платонов Каратаевых, как исторического явления, в России *НЕ* существовало: было бы нелепостью утверждение, что на базе непротивления злу можно создать Империю на территории двадцати двух миллионов квадратных верст. Или вести гражданскую войну такого упорства и ожесточения, какие едва ли имеют примеры в мировой истории. Очень принято говорить о врожденном миролюбии русского народа – однако таких явлений, как «бои стенкой», не знают никакие иные народы, по крайней мере, иные народы Европы. Очень принято говорить о русской лени – однако русский народ преодолел такие климатические, географические и политические препятствия, каких не знает ни один иной народ в истории человечества. Принято говорить о гении Петра – однако любая фактическая справка не оставляет от этой гениальности камня на камне. Принято говорить о безумии Павла Петровича – однако простое перечисление изданных им законов показывает в Павле Петровиче огромный государственный ум, видевший неизмеримо дальше, чем видели его современники. Принято говорить о Николае Палкине, а это был человек, который, ежедневно *рискуя жизнью, в тайных* комитетах готовил все для освобождения крестьян, – его сын только закончил по существу уже построенное здание. Об Императоре Николае Втором левые историки говорят как о бездарности, правые – как о кумире, дарования или бездарность которого не подлежат обсуждению. Однако ряд простейших фактических справок говорит о том, что даже и в области чистой стратегии Государь Император обладал неизмеримо большими творческими данными, чем все наши военспецы вместе взятые – и именно военспецы технически саботировали стратегическое творчество Государя Императора. Принято говорить о благорастворении воздухов в Царской России – однако простой ряд самых простых фактических справок указывает на крайнюю неустойчивость внутривластной жизни России. И если при Екатерине Второй, кроме пугачевского восстания, выступали с оружием в руках еще около двухсот тысяч крестьян, то «крестьянские беспорядки», почти не затухая, шли непрерывной волной – от Пугачева до Махно. А царевубийства – от «казни» царевича Алексея Петровича до убийства Царской Семьи в Ипатьевском подвале.

Расплата

Вся та политическая конструкция, которая возведена была в России в результате Петровских реформ, была нерусской конструкцией и никак не устраивала русский народ. Советская революция есть логическое завершение или логический результат именно этой конструкции – результат полной оторванности «верхов» от «низов», «интеллигенции» от «народа», «разума» от «инстинкта» – или, если хотите, – «теорий» от «интересов». Мы, эмиграция, являемся и виновником, и результатом, и жертвой этой конструкции. Оторванными от народа – или, если хотите, от его элементарнейших интересов, в его, этого народа, понимании этих интересов, – оказались и красная, и белая сторона нашей гражданской войны. Как бы мы ни оценивали и фронтовой героизм Белых армий и беспримерную дезорганизацию их тылов, но совершенно ясно одно: общего языка с народом ни одно из белых формирований не нашло. И никому не пришла в голову самая простая мысль – опереться на семейные, хозяйственные и национальные инстинкты этого народа и в их политической проекции – на Царя-Батюшку, на Державного Хозяина Земли Русской, на незыблемость русской национальной традиции и не оставить от большевиков ни пуха ни пера.

Меня, монархиста, можно бы попрекнуть голой выдумкой. Однако выдумка эта принадлежит Льву Троцкому: «Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг „Кулацкого Царя“, – мы не удержались бы и двух недель».

«Белогвардейцы», то есть, в данном случае, правившие слои всех Белых армий, этого лозунга выбросить действительно не догадались. И по той простой причине, что если февральский дворцовый переворот, как и царевубийство 11 марта 1801 года, был устроен именно для того, чтобы устранить опасность «крестьянского царя», то было бы нелепо ставить ставку на «кулацкого царя». «Единая и неделимая» никаким лозунгом вообще не была и по той чрезвычайно простой причине, что «делить Россию» большевики не собирались – это означало бы «деление» и советской власти. Зачем ей было бы делить самое себя?

В общем, «общего языка с народом» не нашли ни красная, ни белая, ни левая, ни правая стороны.

Кое-кто из белых идеологов и сейчас еще повторяет мысль о том, что Белые Движения не были поняты русским народом. Можно было бы поставить вопрос иначе: почему народ должен был понимать генерала Деникина, а не генерал Деникин понимать русский народ? Величины как-никак мало все-таки соизмеримые. Но у обеих боровшихся сторон были свои представления о народе, о его нуждах и о его интересах. Красная сторона оказалась более гибкой, более организованной – и ее расплата еще не закончена. Эта расплата уже и сейчас более тяжка, чем расплата белых: из героев тогдашней красной борьбы к сегодняшнему дню уцелело очень немного. Кто из них уцелеет после «последнего и решительного»?

Русская масса воевала и против красных, и против белых. Разгром всех Белых армий произошел по совершенно одинаковым социальным причинам и почти на совершенно одинаковых географических рубежах и в одинаковых военно-стратегических условиях: по неумению привлечь на свою сторону народные массы, при переходе армий из областей вольного хлебопашества на территории крепостного права, после превращения горсточек боевых энтузиастов в армии мобилизованной крестьянской молодежи. Обо всем этом Ленин говорил *заранее*. И Ленин, и Троцкий понимали смысл и стратегию гражданской войны безмерно яснее, чем понимали это Колчак и Деникин. Идейный фанатизм никак не препятствует холодному расчету – как религиозный фанатизм иезуитского ордена никак не препятствует самым холодным и трезвым расчетам его дипломатической практики.

Нам нужны горячее сердце и совершенно холодный ум. Сердце, которое действительно любило бы действительную Россию, а не наши выдумки о ней, и ум, который совершенно

холодно взвесил бы все наши ошибки. То, что в военной среде именуется «доблестью», нас не интересует никак, ибо эта доблесть является общим множителем для всех разновидностей той «дробинки», в которую превратилось прежнее русское единство: и для кронштадтцев, которые начали «завоевывать Россию» от Зимнего дворца, и для корниловцев, которые начали отвоевывать Россию из глуши кавказских предгорий. Обе стороны пережили приблизительно одинаковую судьбу. Кронштадтцы, вероятно, еще худшую: им и в эмиграцию попасть не удалось.

Политика и война

Последние десятилетия истории России и Европы, наполненные сплошными войнами – обыкновенными и гражданскими, – привели к некоторой гипертрофии военной психологии. К гипертрофированному представлению о том, что война решается оружием, стратегией, гением, доблестью и прочим. Все это фактически неверно: войны решаются политикой и *только ею одной*. Величайший полководец всей мировой истории Ганнибал, примеру которого тщетно пытаются подражать все полководцы, штабы и генералы мира, закончил свою деятельность полным разгромом своей собственной государственности, а свою собственную жизнь – изгнанием и самоубийством. Судьба Наполеона была ненамного лучше. Подвиги А. В. Суворова, который в чисто военном отношении, по-видимому, стоял выше Наполеона, – но в отличие от Наполеона не имел самостоятельности, – ничего не изменили в судьбах России. От просто умного генерала Кутузова «величайший полководец Европы» едва ноги унес. Совершенно штатские люди Ленин и Троцкий разбили таких совершенно военных людей, как Деникин и Колчак: они с предельной степенью ясности и трезвости учли и свои, и чужие, и сильные, и слабые стороны.

Хорошая стратегия – это только экономия народных сил. Если этих сил мало – не поможет *никакая стратегия*. Если этих сил много, то, в крайности, можно обойтись и вовсе без стратегии – как обошелся Сталин во Вторую мировую войну или Кутузов в первую Отечественную. Германский генеральный штаб и германская армия обеих мировых войн были, по-видимому, квалифицированное всех остальных в мире, что не помешало Германии проиграть обе мировых войны.

Конечно, при наличии таких организационных, административных и стратегических данных, какими обладал Петр Первый, даже и со Швецией пришлось воевать двадцать один год, но окончательного результата не изменило и это: военный потенциал России и Швеции во всех его разновидностях был слишком уж неравен: Россия была сильнее Швеции приблизительно в десять раз. Только в исключительных случаях истории – при почти полном равенстве сил и потенциала, – как было в Русско-японскую войну, хорошая стратегия могла бы изменить ее ход. Но и в данном русско-японском случае мы не в состоянии дать оценку ни русской, ни японской стратегии, ибо японская стратегия маневрировала обутыми дивизиями, русское интендантство поставляло гнилые валенки, и войска толком маневрировать не могли. Русское же интендантство было продуктом социальных условий страны и воровало почти так же, как воровало оно во времена Крымской войны: в Крымскую войну был, кажется, поставлен мировой рекорд. Таким образом, «военный гений» определяется, в частности, и проблемой солдатского сапога. Если сапог плох, армия маневрировать не может.

Все удачные и неудачные стороны нашей политики последних двух столетий лежат вне воли, талантов, ошибок или доблести отдельных лиц. Все они с исключительной степенью точности укладываются в такую схему:

Старая Московская, национальная, демократическая Русь, политически стоявшая безмерно *выше* всех современных ей государств мира, Петровскими реформами была разгромлена до конца. Были упразднены и самостоятельность Церкви, и народное представительство, и суд присяжных, и гарантия неприкосновенности личности, и русское искусство, и даже русская техника: до Петра Москва поставляла всей Европе наиболее дорогое оружие.

Старомосковское служилое дворянство было превращено в шляхетский крепостнический слой. Все остальные слои нации, игравшие в Москве такую огромную национально-государственную и хозяйственно-культурную роль – духовенство, купечество, крестьянство, мещанство, пролетариат (посад), – были насильно отрешены от всякого активного участия во

всех видах этого строительства. Потери русской культуры оказались, на данный момент, безмерно выше, чем ее потери от коммунистической революции.

Начисто оторванный от почвы, наш правивший слой постарался еще дальше изолировать себя от этой почвы и культурой, и языком, и даже одеждой. Лет за полтораста крепостного права старая русская культура была сметена и забыта. И когда, в конце прошлого века, на поверхность общественной жизни страны стал пробиваться «разночинец», то на месте этой культуры он не нашел уже ничего. Слабые попытки славянофилов поднять общественный интерес к прошлому страны и народа утонули во всеобщем непонимании, да и они не были последовательны. Оба крыла нашего правящего слоя, и правое и левое, искали идейных опорных точек где угодно, но только не у себя дома. Правое крыло базировалось на немцах-министрах и на немцах-управляющих: оно нуждалось в дисциплине, которая держала бы массы в беспрекословном повиновении. Левое крыло обращало свои взоры к Французской революции и черпало оттуда свое вдохновение для революции и ГПУ. Центр пытался копировать Англию, забывая о том, что для английского государственного строя нужно и английское островное положение. Так шла история – «русская общественная мысль», русская история, но без России.

Достоевский в «Дневнике писателя» констатировал: «За последние полтораста лет сгнили все корни, когда-то связывавшие русское барство с русской почвой». Это было написано в семидесятых годах прошлого века. Процесс «гниения корней» прогрессировал все время. В эмиграции, в сущности, и гнить было уже нечему. Если в России «сгнили последние корни», то надо надеяться, что в эмиграции догнивают последние иллюзии о каких бы то ни было корнях.

Политическую раздробленность и политическое бессилие эмиграции Народно-Монархическое Движение считает логическим и историческим результатом того процесса, который привел Россию к СССР, а эмиграцию – в эмиграцию. Ввиду этого Народно-Монархическое Движение по самому своему существу стоит совершенно ВНЕ каких бы то ни было иных эмигрантских группировок, с которыми оно может блокироваться или бороться, но от которых оно отличается принципиально.

Народно-Монархическое Движение пытается понять интересы русского народа такими, какими этот народ понимал их САМ, и это понимание Народно-Монархическое Движение извлекает не из рецептов иностранной философии и не из вымыслов отечественной литературы, а из поступков русского народа за всю его историческую жизнь. Этой исторической жизни русскому народу стыдиться нечего: в условиях беспримерной в истории человечества «географической обездоленности», невиданных в той же истории иностранных нашествий при хроническом перенапряжении всех огромных своих сил этот народ создал самую великую и самую человеческую в истории государственность.

Сейчас он стоит на перепутье трех дорог: правой – шляхетско-крепостнической, средней – буржуазно-капиталистической и левой – философски-утопической. Народно-Монархическое Движение предлагает русскому народу оставить все эти дороги и вернуться домой: в старую Москву, к принципам, проверенным практикой по меньшей мере восемью столетиями.

Что нам нужно

Прежде чем перейти к обоснованиям русской национальной индивидуальности, я попробую установить те нужды, которые само собою разумеются для каждого человека. Эти нужды:

- а) свобода труда и творчества и
- б) устойчивость свободы труда и творчества.

Нам нужна какая-то страховка и от нашествий, и от революций. Или иначе – от вооруженных и невооруженных интервенций извне. Причем нам необходимо констатировать тот факт, что невооруженная интервенция западноевропейской философии нам обошлась дороже, чем вооруженные нашествия западноевропейских орд. С Наполеоном мы справились в полгода, с Гитлером – в четыре года, с Карлом Марксом мы не можем справиться уже сколько десятилетий. Шляхетская вооруженная интервенция Смутного времени была ликвидирована лет в десять, со шляхетским крепостным правом Россия боролась полтораста лет. Мы должны – после всех опытов нашего прошлого – твердо установить тот факт, что внутренний враг для нас гораздо опаснее внешнего. Внешний понятен и открыт. Внутренний – неясен и скрыт. Внешний спаивает все национальные силы, внутренний раскалывает их всех. Внешний враг родит героев, внутренний родит палачей. Нам нужен государственный строй, который мог бы дать *максимальные* гарантии и от внешних, и от внутренних завоеваний.

Гарантии от завоеваний

Великий праздник наступления двадцатого века человечество встретило в состоянии оптимистического обалдения. К середине этого столетия выяснилось, что завоевательные программы Европы середины двадцатого столетия значительно хуже соответствующих программ монголов тринадцатого: монголы шли просто для грабежа, просвещенная Европа поставила вопрос о физическом порабощении половины населения страны и физического уничтожения другой половины. Кажется, именно это и называется политическим и моральным прогрессом, практически достигнутым вековыми усилиями Декартов и Кантов.

Практика первой половины XX века, как и практика предыдущих веков, с предельной ясностью доказала неспособность демократий. Или, по меньшей мере, полную неприноровленность демократического государственного аппарата к решению вопросов войны или мира. Вопросы войны и мира в нашем, русском, случае есть вопросы жизни или смерти. Ибо если европейские войны имели в виду борьбу за какие-то там «наследства», за политическую гегемонию Габсбургов, Бурбонов, Капетов, Гогенцоллернов или Виттельсбахов, то, повторяю еще раз – войны, которые вели МЫ, были в основном войнами на жизнь или на смерть, причем в XX веке в еще более острой форме, чем в тринадцатом.

Классическая демократия Европы – Великобритания, опираясь на свою географическую недоступность, вела свои войны почти исключительно «наемными силами». Те «англичане», которые со стороны Англии вели войну на Крымском полуострове, были в значительной своей части наемниками в Гамбурге. Франция, став республикой, опирается на «иностранный легион» – наиболее боеспособную часть «французской» армии. Сикхи и турки, марроканцы и негры были тем «пушечным мясом», которое демократический капитал мог – разными способами – закупать во всех частях мира. Наемных армий мы не знали никогда, и никакого покупного пушечного мяса у нас нет.

В Первой мировой войне две единоличные формы правления – германская и русская монархии – в разных условиях и с разными предпосылками обескровили друг друга, и демократиям оставалось только одно – добить уже побежденного. Во Вторую мировую войну два иной формы, но тоже единоличных правления – диктатура Гитлера и диктатура Сталина – решили исход войны. «Второй фронт» был искусственно оттянут до того момента, когда у германской армии уже не хватало даже и ружейных патронов. Обе войны были выиграны двумя разными, но все-таки авторитарными режимами. Демократия Чехии сдалась без единого выстрела. Демократия Франции бежала после нескольких выстрелов, более мелкие демократии не воевали почти вообще. Единственным боеспособным исключением оказалось Великое Княжество Финляндское – под командованием русского генерала К. Ман-нергейма. Кроме того, финно-советская война была, в сущности, только частью нашей гражданской войны, которая началась на финской территории в 1918 году и *не* кончилась в 1939–1940-м.

Для мирного развития страны демократия Керенского была бы неизмеримо лучше диктатуры Сталина. Но войну 1941–1945 годов Керенский так же проиграл бы, как проиграл он кампанию 1917 года. В момент «мобилизации» американского хозяйства для нужд будущей войны губернатор штата Нью-Йорк м-р Дьюи требовал назначения в САСШ «хозяйственного царя» (так и было сказано: *The czar of economics*). В тот же момент м-р Трумэн заявил сенату и конгрессу, что в случае надобности в дальнейших ассигнованиях он может обойтись и без сената и без конгресса и обратиться к американской нации. Из чего можно заключить, что ни сенат, ни конгресс в представлении президента Соединенных Штатов НЕ являются выразителями воли нации.

Политического механизма («политической машины») САСШ мы – для нас – не можем допустить, не идя на совершенно гарантированное национальное самоубийство. Вне всякой

зависимости от того, хороша или плоха эта машина сама по себе, мы не можем допустить такой неповоротливости, такой медлительности, таких чудовищных политических ошибок и такого времени для споров, размышлений, решений и оттяжек этих решений. Все одиннадцать веков нашей истории мы находились или в состоянии войны, или у преддверия состояния войны. Нет никаких оснований думать, что в будущем это будет иначе. И что в будущем мы сможем положить головы свои на стенографические отчеты будущей Лиги Наций – и заснуть – тогда уже последним сном.

Нам необходима сильная и твердая власть. Она может быть монархией или диктатурой. Властью милостью Божией или властью Божиим попусшением.

Гарантия от революции

Российская монархическая власть, начиная со смерти Императора Петра Первого и кончая свержением Императора Николая Второго, все время находилась в чрезвычайно неустойчивом положении. Эта неустойчивость вызывалась тем объективно данным политическим положением, которое В. Ключевский характеризовал как стремление монархии и массы к «демократическому самодержавию», техническая опора монархии на аристократический элемент и борьба монархии с этим элементом. Однако московской монархии, непосредственно опиравшейся на «демократический» элемент, – в частности просто на население Москвы, – удавалось справляться с аристократическими кругами страны. Именно поэтому столица была перенесена в Санкт-Петербург и Престол изолирован от «массы». Престол оказался в распоряжении «гвардейской казармы», и, начиная от убийства Алексея Петровича, через убийство Павла Петровича, восстание декабристов, убийство Александра Николаевича и свержение с Престола Николая Александровича, русская знать пыталась остановить развитие российской монархии в сторону «демократического самодержавия». Ни одного раза русский «демос», то есть русский народ, не подымался против монархии. Государственный переворот 1917 года был результатом дворцового заговора, технически оформленного русским генералитетом. В Февральской революции наши революционеры решительно ни при чем: они не только не готовили этой революции, но о приближении ее они не имели никакого представления.

* * *

«Дворцовый переворот» перерос в «революцию» только тогда, когда выяснилось полное отсутствие у знати и генералитета каких бы то ни было опорных точек в массе, отсутствие какой бы то ни было популярности в армии и в народе. Люди, организовавшие этот переворот, считали, что они светят своим собственным светом, но это был только отраженный свет монархии. Монархия потухла – потухли и они.

От Петра Первого до Николая Второго монархия была лишена той «системы учреждений», о которой говорит Л. Тихомиров, и эта система была заменена «средостением между Царем и Народом». Государственные думы всех четырех составов были только одним из вариантов этого средостения: они отражали мнения *партий*, но не отражали мнения «*Земли*».

В той обстановке, когда только Одно Лицо во всем правящем слое страны – только монарх и только он один – выражает собою основные стремления народных масс, политически была слишком соблазнительна мысль: устранением монарха изменить ход истории. Это удалось убийством Царевича Алексея Петровича, которое расчистило дорогу к закреплению крестьянства. Это удалось убийством Павла Петровича, которое оттянуло ликвидацию крепостного права. Это не удалось декабристам. Это удалось убийцам Царя-Освободителя, убийством прервавшим возвращение России к принципам Московской Руси.

В Московской Руси цареубийства были бы прежде всего политически бессмысленными, ибо царская власть была только одним из слагаемых «системы учреждений», и убийством одного из слагаемых система изменена быть не могла. По И. Аксакову: Царю принадлежала сила власти, и народу – сила мнения. Или по Л. Тихомирову: монархия состояла не «в произволе одного лица, а в системе учреждений». Московские Цари «силой власти» реализовали «мнение Земли». Это мнение, организованное в Церковь, в Церковные и Земские соборы и в неорганизованном виде представленное населением Москвы, не менялось от цареубийства. Соборы никогда не претендовали на власть (явление с европейской точки зрения совершенно непонятное), и Цари никогда не шли против «мнения Земли» – явление тоже чисто русского

порядка. За монархией стояла целая «система учреждений», и все это, вместе взятое, представляло собою монолит, который нельзя было расколоть никаким цареубийством.

Поэтому Народно-Монархическое Движение в «восстановлении монархии» видит не только «восстановление монарха», но и восстановление целой «системы учреждений» – от Всероссийского Престола до сельского схода. Той «системы», где Царю принадлежала бы «сила власти», а народу «сила мнения». Это не может быть достигнуто никакими «писаными законами», никакой «конституцией», ибо и писанные законы, и конституции люди соблюдают только до тех пор, пока у них не хватает сил, чтобы их НЕ соблюдать.

Народно-Монархическое Движение не занимается изданием законов будущей Империи Российской. Оно пытается установить основные принципы и идейно оформить тот будущий правящий слой страны, который был бы одинаково предан и Царю, и Народу, который – организованный в «систему учреждений» – реализовал бы эти принципы на практике и который стал бы действительно «опорой Престола», а не теми посетителями молебнов, которые прячут за голенищем нож цареубийства.

Основная проблема восстановления устойчивой монархии заключается в организации этого слоя. И так как во внутринациональной борьбе никакой слой нации никогда не действует из чисто альтруистических соображений, то этот слой должен быть поставлен в такие условия, при которых свобода его деятельности совпадала бы с реальными интересами страны, а попытки ниспровержения карались бы в законодательном и судебном порядке с самой беспощадной суровостью.

Система монархических учреждений должна начинаться с территориального и профессионального самоуправления (земства, муниципалитеты, проф союзы) и заканчиваться центральным представительством, составленным по тому же территориальному и профессиональному принципу, а не по принципу партий. Монархия Российская может быть восстановлена только волей народа – и больше ничем. Если эта воля будет монархической, то и ее местные органы будут тоже монархическими. Чисто техническая задача будет состоять в том, чтобы не возникло никакого «средостения» – сословного, чиновного, партийного или какого-либо иного. Технический аппарат петербургской монархии был поставлен вопиюще неудовлетворительно. Он не мог справляться даже с такими задачами, как личная охрана Царей. Он оставлял зияющую пустоту между Престолом и Нацией. Вместо делового штаба, каким было окружение московских царей, петербургская монархия была окружена «двором», составленным из бездельников. В страшные дни Пскова Государь Император Николай Александрович оказался в абсолютном одиночестве, преданный двором, генералами, Думой, правительством, очутившийся в псковской ловушке и не имевший никакой физической возможности обратиться к народу, к армии. Восстановление этих порядков означало бы восстановление традиции цареубийства и самоубийства.

Российская монархия петербургского периода старалась стать народной, полноценной и устойчивой – это ей не удалось. «Средостение» устраняло или пытались устранить лучших монархов – как оно устраняло или пытались устранить их лучших помощников (М. М. Сперанский и П. А. Столыпин). Сейчас это «средостение» покончило свою жизнь цареубийством и самоубийством. Оно представляет некоторую агитационную опасность для восстановления монархии, но после ее восстановления оно не представляет решительно никакой опасности. Вместо этого перед будущей Россией с очень большой степенью отчетливости вырисовывается опасность бюрократии.

Реальность этой опасности заключается в том, что сегодняшний правящий слой страны есть по существу почти сплошная бюрократия. Этот слой на всех голосованиях – и общеперских, и местных – будет голосовать за ту партию, которая гарантирует возможно большее количество «мест», «служб», «постов» и власти. Он будет голосовать против всякой партии, опирающейся на частную и местную инициативу. И он будет слоем, который проявит мак-

симальную политическую активность, – как это уже и случилось фактически в эмиграции, – ибо всякая функциональная собственность – это кусок хлеба для этого слоя и всякая попытка утвердить права частной инициативы будет попыткой отнять этот кусок хлеба.

Гарантии от бюрократии

Всякий слой всякой нации – вне моментов общенациональной опасности – действует эгоистически. Действуют эгоистически и «массы», с той только разницей, что эгоизм масс есть эгоизм нации, то есть представляет собою интересы национального большинства. Всякое меньшинство – под прикрытием всякой декламации – стремится стать привилегированным меньшинством и из средства стать целью. Так, служилое московское дворянство, одержимое «похотью власти», под «предлогом стояния за Дом Пресвятой Богородицы» (В. Ключевский) стремилось превратить себя в шляхетство. Военный аппарат перерастает в милитаризм и ведет войны во имя чистого грабежа – какими, собственно, и были наполеоновские войны. Духовенство перерастает в клерикализм (эпоха «порчи» католической церкви), и государственный аппарат – в бюрократию.

Русская дореволюционная бюрократия была создана Императором Николаем Первым в качестве опорной точки для освобождения крестьян: не было никакой физической возможности реализовать освобождение крестьян, опираясь исключительно на дворянский государственный аппарат. Созданный для данной цели, этот аппарат пережил свою цель и в дореволюционной России лежал тяжким бременем на всех видах народного творчества и народного труда.

Сравнение дореволюционного бюрократического аппарата в России с современными бюрократиями иных стран – методологически неверно. Сейчас паспортную систему имеют все страны мира, до 1914 года из культурных стран мира паспортной системы не имела ни одна, кроме России. Ни одна из стран мира не имела ограничений выезда и въезда, ввоза и вывоза – сейчас имеют все.

Если в Германии Вильгельма Второго и отчасти даже и в Германии Гитлера урядник (Wachmeister), волостной писарь (Burgermeister), волостной старшина (Gemeindevorsteher) и прочее были обслуживающим элементом, то у нас соответственные чины были начальством и соответственно этому себя и вели. Основная масса населения России, ее крестьянство, было опутано бесконечным разнообразием начальственной опеки и начальственных пут. Россия была единственной страной Европы, в которой крестьянин был привязан к волостному правлению своим краткосрочным паспортом, и единственной страной, для выезда из которой нужно было получить заграничный паспорт. А для въезда нужно было иметь иностранный, что иностранцы понимали только с трудом. Начальственно-бюрократическая система в страшной степени тормозила всякое проявление национальной инициативы. И если Россия показывала невиданный экономический рост, то это происходило не благодаря бюрократии, а несмотря на бюрократию. И, кроме того, наш рост определился главным образом после 1905 года, когда, вне зависимости от Государственных дум, эта бюрократия в очень значительной степени была подорвана.

Вся современная «мировая» бюрократия, не говоря уже о советской бюрократии, хуже довоенной русской. Но это не говорит в пользу старой русской бюрократии. Зубная боль лучше туберкулеза, но факт этот никак не может служить доводом в пользу зубной боли.

Будущая Россия будет стоять перед опасностью возрождения всех худших сторон и старой, дореволюционной, и новой, революционной, бюрократии. Кроме чисто местных, то есть локально русских условий, здесь будет играть роль и некая мировая тенденция. До 1914 года профессиональные союзы культурных стран мира боролись за улучшение условий труда и оплаты своих сочленов. В процессе этой борьбы создавался «профсоюзный аппарат» чисто бюрократического характера – «Bonzen» – аппарат, который действует уже во имя собственных интересов. Так, в современной Англии «национализация промышленности» является заменой частного предпринимателя профсоюзным чиновником. Профсоюзы принудительно (по «доб-

ровольному» советскому образцу) взыскивают профсоюзные членские взносы для партийных целей, «подчиняют «трудящихся» принудительной партийной дисциплине и контролируют принудительный труд: профсоюзный аппарат перестал быть средством и стал самоцелью. Весь советский государственный строй есть строй социалистической бюрократии, ставшей самоцелью. Нам угрожает вся та сумма навыков, которую мы унаследуем и от бюрократии образца 1914 года, и от бюрократии образца 1951-го. Нам угрожают и непосредственные интересы огромной части советского актива, которые и сформулированы в программе солидаристов: если мы «денационализируем» краснококшайский кожевенный завод, то это будет означать, что вместо десяти бюрократов заводом будет управлять один хозяин, а бюрократам делать будет нечего. Если мы отменим социалистический контроль над крестьянством, то мы обречем на безработицу несколько миллионов колхозной администрации. Причем солидаризм дает этой бюрократии заверение в том, что вместо священной социалистической собственности останется столь же священная функциональная. Мы же говорим честно: нынешнему активу придется перестраиваться на какую-то общепольную профессию. Пока эта перестройка не будет закончена, весь нынешний актив – от сапожного до трестовского – будет давить на воссоздание хоть какого-нибудь бюрократического аппарата, который возвратил бы этому активу его хлеб и его портфель.

В данных исторических условиях – помимо всяких других условий республиканская форма правления совершенно автоматически приведет к диктатуре бюрократии, а эта бюрократия в интересах своей стабилизации выдвинет очередного диктатора.

Гарантией против диктатуры бюрократии может быть только монархия и только в ее опоре на народное самоуправление, причем монархия, как установление, стоящее над всеми классами и слоями нации, может, как это фактически и практиковалось в Московской Руси, принимать меры против бюрократического перерождения самоуправления (например профессионального) и ставить этому самоуправлению твердо очерченные рамки, а самоуправление – контролировать государственный аппарат страны и не давать ему возможности перерождения в диктатуру чиновничества.

Мы, монархисты, категорически отказываемся рисовать и старую, и новую русскую монархию в качестве заместительницы рая земного, как рисовали социализм социалисты и как рисуют солидаризм солидаристы. Мы утверждаем: во все века человеческой истории и у всех народов человечества всегда шла борьба между религиями и сословиями, классами и профессиями, группами и интересами. Она будет идти и в будущей России. О «солидарности» всего народа можно мечтать. Но лучше молчать. Ибо мечта, сформулированная как *обещание*, будет заведомой ложью. Мы признаем неизбежность этой борьбы, и мы стремимся иметь Одного Человека, который стоял бы над этой борьбой, а не был бы результатом борьбы, каким является всякий диктатор, или бессильной случайностью в этой борьбе, какой является любой президент.

Итак:

1) Нам *необходима* законно наследственная, нравственно и юридически бесспорная единоличная монархическая власть, достаточно сильная и независимая для того, чтобы:

а) стоять над интересами и борьбой партий, слоев, профессий, областей и групп;

б) в решительные моменты истории страны иметь окончательно решающий голос и право самой определить наличие этого момента.

2) Нам *необходимо* народное представительство, которое явилось бы не рупором «глупости и измены», каким стало наше недоношенное заимствование из Европы в лице Государственных дум всех созывов, а народное представительство, которое отражало бы интересы страны, ее народов и ее людей, а не честолюбивые вожеления Милоковых или Керенских или утопические конструкции Плехановых или Лениных.

Обе формы Верховной Власти необходимы одинаково:

1. Для того, чтобы обеспечить страну от крепостных прав под любым их номером, для предупреждения каких бы то ни было попыток навязать стране какое бы то ни было «дворянство», белое или красное, капиталистическое или бюрократическое, социалистическое или солидаристическое.

2. Для того, чтобы обеспечить стране *эквивалентную* ей вооруженную силу, следовательно, и внешнюю безопасность. Обе формы Верховной Власти должны в одинаковой степени черпать свою силу и свою устойчивость не в «средостении между Царем и Народом» и не в «оторванности интеллигенции от народа», а в «системе учреждений», организующих традиции, мнения и интересы народных масс во всех формах местного, профессионального и национального самоуправления. Мы возвращаемся к аксаковской формуле: «Народу – сила мнения, Царю – сила власти».

* * *

Все это нам необходимо вовсе не для защиты абстрактного принципа монархии, или абстрактного принципа парламентаризма, или абстрактного принципа демократии, свободы и прочего, и прочего.

Это необходимо для совершенно конкретной задачи – защиты свободы, труда, жизни, инициативы и творчества каждого народа империи и каждого из людей каждого народа.

В межпланетных пространствах, может быть, есть и иные пути для достижения всего этого. В одиннадцативековой истории России Россия никаких иных путей не нашла. И всякое отступление от этих путей несло России катастрофы – и в XIII веке, и в XVIII веке, и в XX веке, – несло России и татарское иго, и крепостное иго, и советское иго.

Автор настоящего труда НЕ предполагает, чтобы он был умнее одиннадцати веков нашей истории и чтобы он мог найти иные пути, чем те, на которые указывает именно эта история. Любой приват-доцент, конечно, считает, что русскому народу нужно учиться у него, данного приват-доцента. Автор данного труда не питает к приват-доцентам никакого уважения.

Гарантии свободы

Народно-Монархическое Движение не имеет права обманывать русский народ какими бы то ни было неисполнимыми обещаниями и несбыточными надеждами. Эти обещания мы благородно предоставляем в полное распоряжение социалистов, солидаристов, коммунистов и прочих фальшивомонетчиков политики.

Мы обязаны сказать русскому народу: такой меры личной свободы, какую имели САСШ и Англия в начале нынешнего столетия, он, русский народ, не будет иметь никогда. Ибо если безопасность САСШ и Англии была гарантирована океанами и проливами, то наша может быть гарантирована только воинской повинностью. Американская свобода, как и американское богатство, определяется американской географией – наша свобода и наше богатство ограничены русской географией. Из ряда факторов «несвободы» воинская повинность является первым и решающим.

Мы можем утешаться: ни САСШ, ни Англия никогда уже не вернутся к той мере личной свободы, какая была для них характерна в начале нынешнего столетия: авиация меняет даже и географию. Кроме того, не нужно забывать некоторых фактов: личная свобода британских граждан была построена на: а) порабощении колоний – вплоть до поголовного истребления их населения, б) на профессиональной работорговле неграми Африки и в) на рабском труде матросов парусного флота.

В тот момент, когда САСШ и Англия попали в условия, только очень отдаленно напоминающие русские условия в течение всех одиннадцати веков нашего государственного существования, и САСШ, и Англия были вынуждены перейти к тем ограничениям личной свободы, какие диктовались именно нашими условиями: ограничивается политическая свобода (увольнения неблагонадежных чиновников и даже артистов), хозяйственная свобода (фиксация цен и зарплаты, ограничение ввоза и вывоза), свобода передвижения (визы и пр.) и даже свобода труда (регламентация труда в Англии).

Представление о том, что именно республиканская форма правления дает гарантию каких бы то ни было свобод, является чистейшей фантастикой. Самодержавная Москва строилась на лично свободном крестьянстве, республиканская Польша – на крепостном. Венецианская и Новгородская республики строились на беспощадной эксплуатации низов и погибли вследствие отказа этих низов поддерживать эти республики. Гитлеровская Германия законно родилась из республиканской Германии. Союз Советских Республик отнял свободу у русского народа, а Пилсудская Польша хотя и была республиканской – депутатов парламента там пороли в полицейских участках.

Говоря о «мировом масштабе», нужно сказать, что размеры свободы или несвободы не находятся ни в какой зависимости ни от республики, ни от монархии. Говоря о России, можно фактически доказать, что русская монархия делала все, что могла, для защиты внешней и внутренней свободы России и людей России, – если ей это не всегда удавалось, то виною этому были не Цари, а цареубийцы.

Однако мы имеем все основания рассчитывать, что если будет восстановлена монархия российская, то Россия и ее население достигнут такой свободы и безопасности, какой, по всей разумной вероятности, не будет иметь никакой иной народ мира. Ибо если в САСШ последнего периода личная свобода была действительно выше, чем где бы то ни было, то даже и эта свобода была весьма основательно ограничена профессиональным бандитизмом, неприкосновенность которого гарантировала продажность и судов, и администрации. В странах скандинавских демократий профессиональные союзы, возвращаясь к средневековым цеховым принципам, круто ограничивают свободу труда – одну из важнейших свобод для всякого человека. Английская свобода гибнет вместе со всем тем, на чем она была построена; французская сво-

бода привела страну в тупик, из которого ее не в состоянии вывести даже генерал де Голль. Наши русские предпосылки – совершенно объективные – на дальнейший рост свободы и силы являются наиболее оптимистическими предпосылками в сегодняшнем мире.

Народно-Монархическое Движение считает свободу величайшей ценностью и нации, и отдельного человека. Эта свобода может и должна подвергаться ограничению только в случаях крайней и самоочевидной необходимости, какими являются воинская повинность, обязательное обучение или лишение свободы тех людей, которые отказываются уважать свободу ближнего своего. Из всех видов свобод наибольшее и наиболее универсальное значение имеет *свобода хозяйственной деятельности*.

Ибо если прессой, собраниями, союзами и прочим занимается только небольшой процент человечества, то хозяйственной деятельностью занимаются все – и даже пресса является одним из видов этой хозяйственной деятельности. По крайней мере для журналистов.

Народно-Монархическое Движение принципиально стоит на защите частной собственности или, что одно и то же, – частной инициативы. Эта собственность и эта инициатива могут быть ограничены только в случаях самой крайней и самоочевидной необходимости – отчуждение частной земли под постройку железных дорог, винная монополия, эмиссионная монополия и тому подобное. Но уже монополии внешней торговли Народно-Монархическое Движение отрицает принципиально, допуская ее только для отдельных отраслей хозяйства, только на очень ограниченный срок и только при чрезвычайных условиях хозяйственной или политической жизни страны и мира. Но даже и при всех этих предпосылках Народно-Монархическое Движение считает лучше обойтись без монополии – путем чисто таможенного регулирования ввоза и вывоза, путем покровительственных пошлин, – но только, не дай бог, путем какой бы то ни было монополии. Ибо монополия внешней торговли означает монополию бюрократии в вопросах внешней торговли, означает неслыханную волокиту и такое же взяточничество, – означает, кроме того, что средняя и мелкая промышленность, не имеющая ни времени для волокиты, ни денег для взяток, разоряется сама и разоряет тот слой, который во всех странах мира является наиболее прочной опорой всякой политической устойчивости.

Кабинетные теоретики, отталкиваясь от реально существующих противоречий между «трудом» и «капиталом», от реальной хозяйственной борьбы, которая, как общее правило, не носит идиллических форм, предложили человечеству целый ряд хозяйственных систем коллективистского характера. Проверенные на практике, все эти системы привели к следующим результатам:

1. К повышению себестоимости производства, которое покрывается за счет налогоплательщика.
2. К понижению качества продукции, которое компенсируется системой лицензий на ввоз и вывоз, принудительных торговых договоров, субсидированием иностранного сбыта и монополизацией внутреннего.
3. К ограничению хозяйственной свободы не только работодателя, но и рабочих.
4. Как логический вывод из всего этого – к ограничению политической свободы страны.

Сегодняшняя Англия переживает этот процесс в самом его начале. Вчерашняя Германия была посредине пути. Сегодняшний СССР довел этот процесс до его логического конца. Во всех трех случаях частный предприниматель, то есть лицо, на практике выдержавшее испытание конкуренции, заменяется служащим, назначенным по принципу партийной принадлежности, профсоюзного стажа или чиновной выслуги лет. Практически его система работы обусловлена не требованиями производства, рынка и прочего, – а условиями партийной, профсоюзной или государственной дисциплины. Повышение себестоимости и снижение качества производства являются автоматическими последствиями. В данный момент, например, английские товары не находят достаточного сбыта вследствие их низкого качества, и английский экспорт организуется или в виде «принудительного ассортимента», или в виде государственных дого-

воров, по которому контрагенту навязывается данный товар. В данный исторический момент этот способ экспорта облегчается мировым товарным голодом, который возник в результате Второй мировой войны, подготовки к Третьей и выпадения из мирового торгового оборота таких стран, как Россия, Германия и Япония. И если в пределах национального хозяйства социалистический сектор не имеет никакой возможности свободно конкурировать с частнохозяйственным, то внутри страны последний может быть задавлен искусственно – даже и без полной «социализации». В пределах же мирового хозяйства частнохозяйственный сектор может быть задавлен только в результате войны. Военно-политическая экспансия СССР и Третьего рейха, нынешняя двуличная политика Англии по адресу СССР и Европы объясняются, в частности, тем, что социализм СССР, Германии и Англии может сохранить свою жизнь только при условии ликвидации всякой капиталистической конкуренции во всем мире. А ДО этой ликвидации – только возможно более полной изоляцией народного хозяйства от мирового.

Вследствие этого те наши программы, которые в той или иной форме предусматривают бюрократизацию нашего народного хозяйства (социалистическая и солидаристическая программы), совершенно логично предусматривают также и монополию внешней торговли. Ибо, если отечественная – социализированная или солидаризированная – промышленность будет производить дрянь (а она будет производить дрянь), то производителей дряни нужно защитить монополией внешней торговли.

Таким образом, на плечи пресловутых трудящихся возлагаются следующие бремена:

1) Как налогоплательщики, трудящиеся оплачивают бытие хозяйственной бюрократии, а также и административной, ибо административная бюрократия в этом случае защищает бытие хозяйственной.

2) Как лица наемного труда, трудящиеся получают все меньшую и меньшую заработную плату, ибо даже при «повышении ставок» эта заработная плата практически снижается и повышением цен на товары, и снижением качества этих товаров.

3) Как граждане страны, трудящиеся подвергаются ограничениям в праве перемены работы, в праве забастовок, в праве как бы то ни было бороться с планами и интересами социалистической бюрократии.

4) И так как все эти ограничения автоматически вызывают или протесты, или борьбу, то всякое последовательно социализированное хозяйство рано или поздно должно вступить на путь военно-полицейской диктатуры как единственного мыслимого способа своей самозащиты от народа.

Отстаивая принцип частной собственности и частной инициативы, Народно-Монархическое Движение никак не имеет в виду интересов русской буржуазии, которой в СССР нет вовсе и почти вовсе нет в эмиграции. Таким образом, мотив «защиты классовых интересов буржуазии» отпадает совершенно: было бы очень трудно защищать интересы несуществующего слоя.

Народно-Монархическое Движение, защищая частную собственность и частную инициативу, имеет в виду только и исключительно интересы народного хозяйства. Мы признаем свободу хозяйственной конкуренции, ограниченную только в случаях самой крайней и очевидной необходимости, или гигиенической (винная монополия), или технической (почта и телеграф), или экономической (железные дороги), или военной (мобилизация промышленности). Однако, отстаивая права частной инициативы, Народно-Монархическое Движение будет точно так же отстаивать и права всякой коллективной инициативы. Императорская Россия была страной, в которой по тем временам «обобществленный сектор народного хозяйства» был больше, чем где бы то ни было в мире. Государственный Банк контролировал все банки России и имел исключительное право эмиссии кредитных билетов. Большинство железных дорог принадлежало казне, а оставшиеся частные дороги стояли накануне «выкупа в казну». Государство владело огромными земельными пространствами, владело заводами и рудниками. Земская медицина была поставлена так, как она и сейчас не поставлена нигде во всем мире. Земства

начинали строить свою фармацевтическую промышленность – с помощью государственного кредита. Русское кооперативное движение было самым мощным в мире. Таким образом, в Царской России существовала: а) свободная конкуренция частного хозяйства и б) свободная конкуренция частного хозяйства, государственного хозяйства, земского, городского кооперативного и артельного, причем государство в равной степени помогало всем, кто умел работать. Ибо государственная власть не принадлежала ни капиталу, ни проф союзам, ни кооперативам, ни земствам: она принадлежала Государю Императору, который в чисто хозяйственном отношении был заинтересован в том же, в чем был заинтересован каждый человек страны, чтобы был хороший и дешевый ситец. И совершенно не был заинтересован в том, на какой фабрике этот ситец производится: на казенной, кооперативной, земской или частной. В чисто хозяйственном отношении русская монархия является полномочной и полномощной представительницей ваших личных интересов – разумеется, при том условии, что вы не являетесь социалистическим бюрократом. Наша политическая экономия, которая и по сей день питается чужими цитатами, до сих пор не удосужилась проанализировать реальную хозяйственную жизнь дореволюционной России. В этой реальной хозяйственной жизни России были такие явления, как офицерское «Вольно-Экономическое Общество» – самое, кажется, старое кооперативное общество Европы, имевшее самый крупный в России универсальный магазин. Был казенный Тульский оружейный завод, который работал в несколько раз лучше современных ему частных иностранных заводов. Были такие явления, так сказать, административно-хозяйственного порядка, как интендантство, которое в Русско-японскую войну было по существу преступным сообществом воров и грабителей, а к 1914 году было поставлено на исключительную высоту: в 1912 году был проект передачи интендантству снабжения хлебом и мясом городского населения таких гарнизонных городов, как Ковель, Гродно, Сувалки и другие, – интендантские цены были в три раза ниже частных.

Если бы наша политическая экономия занималась нашей действительностью, а не чужими цитатами, то она обнаружила бы тот факт – сейчас кое-как подтверждаемый и нашей левой прессой, – что Царская Россия была... самым социалистическим государством мира. И что почему-то именно в России целый ряд коллективистских предприятий – начиная от казенных заводов, бывших государственной собственностью, и кончая сибирской кооперацией, опиравшейся на мелкую частную собственность, бесконечными «артелями», строившимися по принципу «трудовых коллективов», офицерской кооперации, опиравшейся на нищенское офицерское жалованье, – проявил большую хозяйственную жизнеспособность, чем где бы то ни было в мире. Что «самодержавная власть» не только никак не препятствовала всяким «обобщественным формам», но и всячески поддерживала их – и там, где это было нужно (кооперация), и даже там, где это не было нужно (община). Или, иначе, что самодержавная власть искала наилучших способов хозяйствования и поддерживала все то, что оказывалось лучшим, совершенно не зависимо ни от Оуэна, ни от Маркса. И если по проверке практикой, а не догмой эта практика оказывалась ошибочной (община), самодержавная власть искала иных путей.

Однако такие поиски уже чисто технически возможны только в том случае, если в стране есть СИЛА, находящаяся вне круга эгоистических интересов банков, заводчиков, профсоюзов, бюрократов, профессоров и даже приват-доцентов, – СИЛА, независимая ни от какого узкогруппового интереса. СИЛА, которая в Одном Лице воплощает в себе интересы всей страны, вместе взятой, – то есть не только ее нынешнего поколения, но и ее грядущих поколений всей нации во всех ее слоях, группах, народах и народностях.

Здесь может возникнуть довольно естественное недоумение. В самом деле, если Императорская Россия была «самой социалистической страной» того времени, то полная социализация ее большевиками является только естественным завершением старого исторического процесса. Или, что почти то же: большевики только продолжают хозяйственную политику

Императорской России. Там был «царский социализм», здесь – «пролетарский социализм», но все-таки социализм.

Совершенно необходимо всегда помнить о том, что социализм не является огосударствлением той или иной отрасли промышленности – он является принципиальным отрицанием права частной собственности, то есть и права частной инициативы: частная инициатива без частной собственности немыслима технически. Государственный сектор народного хозяйства Императорской России имел в виду в конечном счете интересы частной собственности – социалистическое хозяйство СССР имеет в виду ее полную ликвидацию. Государственный Сибирский путь, построенный по государственной инициативе и на государственные средства, имел в виду открыть огромные пространства Сибири для проявления частной инициативы во всем ее разнообразии, – частной инициативе такая постройка была бы не под силу. Выкупая в казну данную железную дорогу, Императорское правительство имело в виду целый ряд очень сложных соображений, часто жертвуя доходностью дороги для экономического оживления данной области. Строя казенные военные заводы, Императорское правительство имело, в частности, в виду не только непосредственные интересы обороны страны, но и недопущение к жизни той группы капиталистов, которые материально были бы заинтересованы в войне. Императорское правительство в одном направлении расширяло государственный общественный сектор (железные дороги), в другом – ликвидировало его (община, удельные земли Алтая). «Выкуп в казну» имел в виду хозяйственные интересы нации. Социализация имеет в виду карьерные интересы партии. «Выкуп в казну» *мог* остановиться на данном этапе, «социализация» остановиться не может. «Выкуп в казну» исходил из чисто технических соображений, социализация исходит из чисто теоретических. Так было в Англии: из чисто теоретических или демагогических соображений социализировали железные дороги и потом выяснили: социализированные железные дороги не могут конкурировать с автотранспортом – нужно социализировать и автотранспорт. Победоносная социалистическая партия растет за счет притока новых членов, и эти новые члены требуют для себя новых мест и постов. Не будучи никак подготовленными к этим местам и постам, они «снижают качество продукции» и объясняют это саботажем. С разной степенью отчетливости этот процесс развивался параллельно и в СССР, и в Германии, и в Англии. Разная степень отчетливости объясняется главным образом разницей в возрасте социализма: в СССР лет за тридцать он прошел весь путь, в Германии лет за пятнадцать – полпути, в Англии лет за пять он находится только в начальной стадии дальнейшего развития. Причем в Англии – при отсутствии гражданской войны – он дал результаты лучшие, чем в СССР 1918–1923 гг., но худшие, чем в Германии 1933–1938-го. И за тот же период времени – за пять лет, с 1945 по 1950 год, социалистическая, хотя и победоносная, Англия в чисто хозяйственном отношении успела уже катастрофически отстать от освобожденной от социализма Германии.

Народно-Монархическое Движение никак не протестует против государственных, кооперативных, земских и прочих форм хозяйства, но только при том условии, чтобы эти формы не носили насильственного характера, чтобы они не устранили ни частной собственности, ни частной инициативы – чтобы они служили делу Нации, а не интересам партии.

Самодержавие и самоуправление

Нам могут сказать: все это, может быть, теоретически и хорошо, но практически все это – утопия. И мы можем ответить – это не утопия, а факт. Не беспочвенные посулы для будущего, а совершенно реальная историческая действительность. В самом деле, даже по признаниям левых историков (см. ниже) московское самодержавие все время работало для самоуправления, а когда самодержавие пало (Смутное время), то оно было восстановлено самоуправлением. Когда самодержавию удалось справиться с крепостным правом, оно сейчас же возродило самоуправление. В Московской Руси и самодержавие, и самоуправление неизменно поддерживали друг друга: и только наследие крепостного права изувечило эту традицию. Император Александр Второй был убит уже после подписания им манифеста о созыве Земского собора (*Собора*, а не Думы!), а крестьянское самоуправление было ограничено дворянством. Самодержавие противоречит самоуправлению только в том случае, если «самоуправление» превращается в партию и если самодержавие превращается в диктатуру. В Москве этого не было. В Санкт-Петербурге это было: в наш XVIII век отсутствовали и самодержавие, и самоуправление. Самодержавие, восстановленное Императором Павлом Первым, привело к возрождению самоуправления при Императоре Александре Втором. Но в петербургской атмосфере русской жизни наше «средостение», т. е. наша интеллигенция, или, что то же, наша бюрократия, покушалась – как бюрократия – на права самоуправления и – как интеллигенция – на права самодержавия. В результате мы остались и без самодержавия, и без самоуправления.

Банальная интеллигентская терминология определяет «самодержавие» или как «абсолютизм», или как «тиранию». По существу же, «самодержавие» не может быть определено терминологически, оно должно быть описано исторически: русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительно и типично русское: «диктатура совести», как несколько афористически определил его Вл. Соловьев. Это не диктатура аристократии, подаваемая под вывеской «просвещенного абсолютизма», это не диктатура капитала, сервируемая под соусом «демократии», не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, – это «диктатура совести», в данном случае православной совести. Русское самодержавие было организовано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе и религиозную совесть народа, и его политическую организацию. Политической организацией народа, на его низах, было самоуправление, как политической же организацией народа в его целом было самодержавие.

Национальный вопрос

Республиканский образ правления никак не гарантирует прав самоуправления – Франция самоуправления не имеет вовсе. Монархическая Россия имела разные формы самоуправления – от почти республиканского в Великом Княжестве Финляндском, до авторитарного в Хиве и Бухаре. Монархическая Германия имела чисто республиканские формы самоуправления (ганзейские «вольные города») и чисто монархические (Баварское Королевство). Республиканская Польша не имела вовсе никакого самоуправления. «Республиканский» Новгород Великий был жестоко централизованным хищником. Монархическая Германия была неизмеримо богаче, сильнее, организованнее и культурнее республиканской Франции. Кроме того, монархическая Германия и монархическая Россия все время шли вверх, республиканская Франция все время шла вниз, русское самодержавие было всегда самым верным стражем русского самоуправления, и русское самоуправление – почти всегда, кроме последних десятилетий, – было верной опорой самодержавия. Республиканские Новгород, Польша, Венеция, Франция беспощадно эксплуатировали свои «колонии», русское самодержавие было нянькой для русских «инородцев», хотя и не для всех. При наличии полутора ста народностей был неизбежен индивидуальный подход к каждой из них. Почти в одно и то же время почти одинаковое самоуправление получили Польша и Финляндия. В «руках разумного народа», как выразился по адресу финнов Император Александр Второй, это самоуправление создало маленькую страну, организованную лучше, чем какая бы то ни было иная страна в мире. В руках народа неразумного она создала порядки, которые немецкая поговорка определяет как «польское хозяйство» – балаганное увеселение, где вы за недорогую цену можете бить посуду. Цена «польского хозяйства» в самой Польше была значительно более высокой. Но и это – с нашей точки зрения – не оправдывает ни разделов Польши, ни попыток ее насильственной русификации: наша польская политика – со времени Екатерины Второй работавшая в чисто немецкую пользу – была ошибочной политикой, и без войны с Германией исправить ее было почти невозможно. Еврейская политика была неустойчивой, противоречивой и нелепой: ее основной смысл заключается в попытке затормозить капиталистическое развитие русского сельского хозяйства. Поэтому при Императоре Николае I евреи пользовались полным равноправием и даже получали баронские титулы; крепостное право все равно не допускало в деревне никаких капиталистических отношений. При его отмене была сделана попытка не допустить капитализма в разорившиеся дворянские гнезда. При Николае Первом еврейство было лояльным по адресу Империи, при последних царствованиях оно перешло на сторону революции, чтобы в этой революции потерять еще больше, чем потеряли другие народы России. Ибо Гитлер был тоже последствием русской революции.

Объективный ход хозяйственно-политического развития России снимал с очереди еврейский вопрос, но никакое «развитие», конечно, не ликвидирует и не может ликвидировать антисемитизма как известного общественного настроения: он был при египетских фараонах и он есть при американских президентах. Но все это не касается русской монархии, которая не была ни просемитской, ни антисемитской: русская монархия рассматривала каждый национальный вопрос в зависимости от каждого индивидуального случая.

«Национальный вопрос» в России – это сумма полутора ста вопросов. Единственный разумный ответ на всю эту сумму был дан в наших «Тезисах» издания 1939 года.

- 1) Мы категорически отбрасываем политику насильственной русификации.
- 2) Каждый гражданин и каждая этническая группа имеют право говорить, печатать, учиться на любом языке, который эта группа пожелает.
- 3) Национальное самоуправление реализуется в рамках областного самоуправления и ведет свою работу на своем языке.

4) Русский язык, как общегосударственный язык, остается обязательным для внешней политики, армии, транспорта, почты и прочее. Все местные дела ведутся на любом местном языке.

Народно-Монархическое Движение исходит из совершенно твердого убеждения, что ни один из населяющих Россию народов, получив полное местное самоуправление и при условиях свободного голосования, ни на какие сепаратизмы не пойдет: это – профессия очень немногих бесплатных, а еще более платных политиканов австрийской или немецкой выучки. Попытки «раздела России» наше Движение считает преступлением не только против России, но и против тех народов, которым удалось бы навязать отделение от их общей родины. Удача – хотя бы и частичная – этих попыток привела бы к чудовищному регрессу и культурному, и политическому, и хозяйственному. Она, в частности, означала бы ряд войн между разными петлюрами за обладание разными уездами. Если бы все территориальные вождения всех наших сепаратистов сложить вместе, то для всех них не хватило бы и двух Российских Империй. Столкновения всех этих вождений решались бы войнами – и хозяйственными, и огнестрельными. Империя вернулась бы к положению удельного периода – со всеми соответственными культурными, хозяйственными и политическими последствиями – вплоть до завоевания ее новыми гитлеровскими ордами.

Устойчивость

Для того, чтобы нация могла создать что-то ценное, нужна устойчивость власти, закона, традиции и хозяйственно-социального строя. Если этой устойчивости нет, невозможно никакое творчество. Почти невозможен и никакой труд.

Русский хлебороб, получив, наконец, свою землю, должен иметь уверенность в том, что на завтра или послезавтра эта земля не будет коллективизирована, социализирована или солидаризирована. Если этой уверенности нет, у него остается только один путь – путь хищнического хозяйства. Он не станет рассчитывать ни на десятилетия, ни даже на года. Вместо того, чтобы удобрять землю, он будет вынужден ее истощать. Вместо того, чтобы переходить к более интенсивным формам сельскохозяйственной культуры – животноводству, садоводству и прочее, он будет вынужден следовать принципу: «хоть день, да мой». Ибо ему будет совершенно неизвестно, что станет с его землей, если завтра придут к власти коллективисты, социалисты, солидаристы или коммунисты: что *они* предпримут с *его* землей?

Совершенно конкретный исторический пример еще не изгладился из памяти русского крестьянства. Большевики, захватывая власть, выбросили лозунг «Земля крестьянству», в сущности, эсеровский лозунг. Придя к власти, они ввели военный коммунизм. Сорвавшись на военном коммунизме, вернулись к принципам мелкого крестьянства, и Бухарин бросил свой знаменитый лозунг: «Обогащайтесь!» Кое-как «обогащенного» хлебороба ликвидировали под корень коллективизацией деревни. И вот будут сброшены большевики, и получит наш хлебороб свой участок, и решительно не будет знать, что ему делать: «ложиться спать или вставать». Обогащаться или, в предвидении какого-то самоновейшего экономического изобретения, покорно и предусмотрительно идти по путям деревенской бедноты? Пропивать хлеб свой насущный и не заботиться о завтрашнем дне: довлеет дневи политика его?

В совершенно таком же положении окажутся промышленник, купец, ремесленник. Этот слой людей в период нэпа именовался почтительно: «наше красное купечество» – потом его послали в Соловки. Правда, и наши нэпманы вели хищническое хозяйство – еще более хищническое, чем вело его крестьянство этих времен. Нэпман до предела эксплуатировал оборудование арендованных им фабрик и мастерских, но ни модернизировать, ни даже обновлять его он не мог: не было смысла. В таком же положении русские хозяйственники окажутся после большевиков, если перед ними станет вырисовываться перспектива солидаризма. Что будет в этом случае значить «функциональная собственность»? И как далеко будет она отстоять от марксистских Соловков?

Совершенно в таком же положении окажутся писатели и ученые, поэты и композиторы: вот засел Лев Толстой лет на пять за «Войну и мир». Какое «мировоззрение» окажется победоносным к моменту окончания книги? Будет ли новым властителям приемлема «Периодическая система элементов», или появится какой-то новый Лысенко, который найдет у Толстого, Менделеева, Павлова, Мичурина и прочих антисолидаристический уклон и, будучи профессиональной бездарностью, станет травить всяческий русский талант. А ведь никакой талант никогда не сможет творить «по указке» какой бы то ни было партии. Тем более в том случае, если «указка партии» будет меняться так же, как меняется «генеральная линия» ВКП(б). Вы начали работать над «Войной и миром», периодической системой элементов или «Жизнью за Царя». Или над вашим хутором. Или над вашей мастерской. И вы не знаете, что из всего вашего труда завтрашние «властители дум» (и полиции) сделают послезавтра.

В наших русских послебольшевицких условиях будет поистине чудовищная нужда во всем, что нужно для человеческой жизни, а не для уничтожения человеческих жизней. Наша легкая промышленность и ремесло или недоразвиты, или разрушены. Торговля совершенно разгромлена. Жилищный фонд разорен. Нам до зарезу нужна будет творческая инициатива

десятков миллионов людей, и над этими миллионами повиснет угроза новых социальных экспериментов, и их инициатива будет подрезана в корне. Тем более что именно в наших русских условиях всякое социальное прожектерство принимает особенно уродливые формы.

Никакой талант, никакое творчество, никакая созидательная работа технически невозможны без какой-то гарантии устойчивости власти, закона, традиции и социально-хозяйственного строя страны.

В числе прочих противоречий и контрастов, которыми так обильна русская жизнь, есть и такой: между тремя последовательными и последовательно консервативными факторами русской жизни – Монархией, Церковью и Народом – затесалась русская интеллигенция, самый неустойчивый и самый непоследовательный социальный слой, какой только существовал в мировой истории. Слой в одинаковой степени беспочвенный и бестолковый – бестолковый именно потому, что беспочвенный. С момента своего рождения на свет Божий эта интеллигенция только тем и занималась, что «меняла вехи»:

И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонялся всему, что сжигал.

Были «шестидесятники», которые, наконец, нашли истину. Потом появились «семидесятники» и объявили шестидесятников дураками. Потом появились «восьмидесятники» и объявили семидесятников идиотами. Были сенсимонисты и фурьеристы. Были народовольцы и чернопеределцы. Были меньшевики и большевики. В эмиграции эта коллекция пополнилась фашистами всевозможных разновидностей, от младороссов до солидаристов. Все эти разновидности имели или имеют совершенно одинаковую хозяйственную программу, в которой за густым частоколом восклицательных знаков спрятана хозяйственная, а следовательно, и всякая иная *диктатура партийной бюрократии*.

Устойчивость всей национальной жизни в стране у нас поддерживали три фактора: Монархия, Церковь и Народ. В истории же нашей интеллигенции каждое поколение или даже каждые полпоколения клали свои трудовые ноги на стол отцов своих и говорили: «Вы, папаши и мамыши, – ослы и идиоты, а вот мы, гегелята и октябрюта, – мы умные». «Мы наш, мы новый мир построим» – вот и строят. Разрушают до основания «старый мир» и начинают строить все новые и новые отсебятины. Пока монархия была жива – эти отсебятины ограничивались книжным рынком. А после победы интеллигенции над Монархией, Церковью и Народом: а) неразбериха керенщины, б) военный коммунизм, в) новая экономическая политика, г) период коллективизации. Каждая «эпоха» разрушала до корня то, что строила предшествующая. Надо надеяться и нужно работать для того, чтобы с этой «традицией» интеллигенции покончить, наконец, навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.